

ЕГО ДИКОЕ
ПРОКЛЯТИЕ

ЦАРСТВО ТЕНЕЙ

ДЖЕННИФЕР БЕНКАУ

Дженнифер Бенкау
Его дикое проклятие.
Царство теней. Книга 2
Серия «Young Adult.
Одна истинная королева»
Серия «Царство теней»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67856640

Его дикое проклятие. Царство теней. Книга 2: Эксмо; Москва; 2022
ISBN 978-5-04-171225-9

Аннотация

Пожертвовать самым дорогим – единственный способ выбраться живым из Царства теней. Однажды Лэйра принесла такую жертву в замке Повелителя дэмов. Это навсегда отдалило от нее Аларика, любовь всей ее жизни. Закованный в цепи и почти обезумевший Аларик поклялся отомстить всем, кто его предал. Когда на Немию обрушиваются орды дэмов, Лэйра снова должна принести страшную жертву, чтобы спасти свое королевство.

«Его дикое проклятие» – вторая часть нового романтического фэнтези от автора бестселлера «Одна истинная королева» Дженнифер Бенкау. Действие дилогии «Царство теней»

происходит в том же вымышленном мире, но книги можно читать независимо друг от друга.

Содержание

Интермеццо	6
Глава 1	9
Глава 2	23
Глава 3	33
Глава 4	45
Глава 5	48
Глава 6	57
Глава 7	70
Глава 8	76
Глава 9	90
Глава 10	94
Глава 11	109
Глава 12	119
Глава 13	128
Глава 14	136
Глава 15	141
Конец ознакомительного фрагмента.	156

Дженнифер Бенкау

Его дикое проклятие.

Царство теней. Книга 2

*После всех мечтаний я становлюсь той, кто
сама решает свою судьбу.*

Jennifer Benkau
DAS REICH DER SCHATTEN
His Curse So Wild

© 2021 Ravensburger Verlag GmbH, Ravensburg, Germany

В коллаже на обложке использованы фотографии:

© RomarioIen, Smile19, artyco, andreiuc88,

ARTYuSTUDIO, Phatthanit, Irina Bg / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

© М. Карманова, перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Интермеццо

Немия была не готова.

Был ранний весенний вечер, на низинных пастбищах и на горных лугах высыхали последние капли дождя, а холмы спокойно поднимались из клубов тумана, мерцая в лучах заходящего солнца. Страну в этот час укутывало мирное сияние, которое скрывало все зазубрины, углы и края.

Никто не мог заметить, что происходило в это мгновение очень далеко и одновременно невероятно близко. Даже священники, которые молились в храмах, не почувствовали зловещего предзнаменования. Ветра молчали, а горы никогда не признаются, были они слепы, невнимательны или равнодушны.

Повелитель дэмов пал, а с ним рухнули и границы, окружавшие безымянное Царство теней.

И тогда дэмы без предупреждения ринулись в разрывы. Они обрушивались с ясного неба. Толпы прорывались через леса. Немийцам казалось, что чудовища падают из облаков, будто дождь, поднимаются из водоемов, с языками пламени вырываются из очага.

Они спускались с гор, уничтожая все на пути в долину, и убивали, будто ими двигала лишь жажда крови. Вряд ли кто-то из немийцев понял, чего хотели чудовища, но наверняка понял, что ими двигала ненависть. Ненависть к тем,

кто однажды их проклял. Сами дэмы не осознавали, что большинство тех людей были давно мертвы и похоронены тысячу лет назад. Однако даже если бы они это понимали, им было бы все равно. Они желали мести, их жажда была древней, вечной, и в своем ослеплении они истребляли всех, кто попадался на пути.

Немийская гвардия была быстрой и бесстрашной, но дэмы давно разделились, спрятались, рассеялись меж скал и в глубине лесов, забрались высоко в горы и проникли в каждое ущелье. Их было слишком много, чтобы перебить всех – какими бы острыми ни были клинки немийцев, какими бы быстрыми ни были их лошади, какими бы решительными ни были их сердца. Все большие дэмов переходило открытые границы. Все большие крови немийцев стекало по скалам и впитывалось в почву. Все большие души с ветрами отправлялось в руки Лиаскай.

Немия была обречена.

* * *

Никто не мог заметить, что происходило в это мгновение очень далеко и одновременно невероятно близко. Даже священники, которые молились в храмах, не почувствовали доброго предзнаменования. Ветра молчали, а горы никогда не признаются, были они слепы, невнимательны или равнодушны.

Волшебница, которая знала все до одного заклинания, воззвала к своему наследию и соткала проклятье из тьмы, власти и магии.

Она короновала нового Повелителя дэмов.

И он закрыл границы мира теней, чтобы больше ни один дэм не мог вторгнуться в страну людей – ни один и никогда.

Как и все правдивые истории, эту тоже никто не рассказывает до конца. Ведь кто же поверит в истину, если ей противостоит ложь? Раны не заживают, пленники погибают, а каждая утрата порождает новую ненависть.

Земля, жители которой называют горы своей семьей, а ветра – своими друзьями, никогда не должна была узнать, что не правитель и не гвардия уберегли ее от падения.

Немия не знала, кого она наказывала за свои страдания.

Глава 1

ЛЭЙРА

Как тяжело и угрожающе нависал надо мной замок предков. Еще несколько лет назад он был моим домом. Потом меня лишили имени и изгнали. Сейчас, наконец, передо мной открылся путь назад. И когда я поверила, что все теперь будет хорошо, ведь я стала старше и превзошла себя, стены замка превратились во вместилище моего худшего кошмара.

Должна ли я была догадаться об этом раньше? Почему ничто не предупредило меня о том, что все будет так? Или предостережение все же было? В шепоте ветра или в рокоте гор, просто я не захотела его услышать?

Я заставила себя ступить на разводной мост, который вел в замок эс-Ретнея через пропасть глубиной в восемьсот метров. В течение многих лет его ни разу не поднимали, и там образовался такой толстый слой песка городских улиц, что, когда на него кто-то ступал, раздавался лишь глухой стук. Теперь колеса повозок катились прямо по деревянным балкам, и, опустив взгляд на ноги, я разглядела сквозь щели между досками черноту бездонной пропасти. Теперь замок каждую ночь отбивался от оставшихся дэмов, бродивших по

округе, и потом гвардейцы поднимали мост. С одной стороны замок оберегала пропасть, с другой – сотня вооруженных стражей на уступах крепости. Они стояли там, где стены соединялись с горой, и едва можно было понять, где кончается замок эс-Ретнея и начинается могучая западная гора Воляриан.

В низинной деревне нас с мамой защищали только два наших последних бдительных гуся. Остальных дэмы разорвали на части, бросив на месте большую часть тушек.

Однако когда я подходила к замку, желудок у меня скрутило не потому, что я завидовала защите обитателей замка.

Дело было в страхе, который терзал меня на обратном пути в деревню каждый проклятый раз, когда мне приходилось покинуть замок – нельзя было надолго оставлять маму в одиночестве. Если бы я не обманывала себя, то не смогла бы отойти от нее ни на шаг, но я всегда придумывала какой-нибудь повод. Иногда даже чересчур убедительный. Например, убеждала, что смогу повлиять на изменения.

Дело было в страхе, который я оставляла за спиной, покидая замок эс-Ретнея.

Дело было в страхе, который поджидал меня всякий раз, когда я возвращалась. Он настигал меня, как только я проходила мимо первых домов, стен и башен, и за ними открывался вид на фасад дворца со всеми его роскошными витражными окнами с изображениями гор и могучих ветров, словно кто-то здесь мог забыть о них хоть на секунду.

Отец пожертвовал одним из окон, расположенным слева и наискосок над главным входом, высотой примерно шесть метров, чтобы в очередной раз продемонстрировать свою силу.

Или свою наивность.

Или мою невыносимую вину.

Воистину я превзошла себя. Раньше я подвергала опасности своих друзей. Сегодня я уничтожаю того, кого люблю.

Несколько недель назад на окне было изображение мюра, северного ветра, который вместе с воинами немийской гвардии сражался против огромного кровожадного саблерога.

Теперь воины, саблерог и мюр исчезли. Разноцветное стекло выбили, а под окном к стене приделали своего рода карниз, словно вырастающий из нижней части проема, достаточно широкий, чтобы на него можно было встать.

В тот день, когда я увидела это в первый раз, моя надежда была еще жива. Она была отчетливой, сильной и упорной, как биение моего сердца.

– Он освободится, – сказала я Вике, Десмонду и Кадизу, веря в каждое слово. Это только цепи. Ему достаточно напрычаться, и он вырвет их из стен. Он же...

Ясные и глубокие глаза подруги были полны чувства вины, когда она возразила:

– Он стоит там уже восемь дней, Лэйра. Он пытался вырваться, многократно пытался. Но у него не получается.

Мое сердце превратилось в камень. Ледяной тяжелый ка-

мень с острыми краями, о которые я порезалась, осторожно попытавшись до него дотронуться.

День за днем прошло больше трех недель, а он стоял все там же. Руки над головой в железных кандалах, тело прикрыто лишь разорванными штанами и лохмотьями изношенного мовлэ. Они приковали его на карнизе, обрекая на смерть, но не знали, что Повелитель дэмов может страдать от боли и ран, но не умрет ни от голода, ни от жажды, ни от унижения.

Он давно больше не пытался освободиться.

Но теперь уже несколько дней мне казалось, будто сердце осторожно пробует биться. Потому что у нас был план.

Я увернулась от торговца, который так тяжело нагрузил осла, что бедное животное шаталось от каждого порыва ветра. Из-за этого я заметила Вику, только когда она уже подошла ко мне.

– Лэйра! Лэйра, я здесь! – она поспешила ко мне, приветственно обняла и взяла под руку. Во время нашего путешествия в Алсьяна-Дэра ее лицо покрылось сетью шрамов, и она стала носить свои пшеничные кудри, которые раньше практично завязывала узлом на макушке, только распущенными, чтобы они как можно больше закрывали лицо. Конечно, ее все равно узнавали, но это была забота двух охранников, которые по велению родителей Вики ходили за ней по пятам. По крайней мере, они так и не узнали, что она тогда путешествовала со мной. Иначе нам никогда больше не разрешили бы встретиться. В общем, ее родители смирились.

В конце концов, больше не было тайной, что я скоро стану супругой Десмонда эс-Йафанна, а значит, я снова оказалась подходящей подругой для их дочери. Но они не знали ни о том, что мы пережили вместе, ни о том, что мы обсуждали, встречаясь с Десмондом.

Сегодня Вика нервничала больше, чем обычно. Она увлекла меня на боковую улочку, где в дверных проемах топтались дешевые девушки, недоверчиво поглядывая на нас. Женщины никогда не заходили сюда, а если и заходили, это не сулило ничего хорошего.

– Что-то случилось? – шепотом спросила я Вику. Я пришла вовремя. Обычно мы заходили в таверну только ранним вечером, потому что тогда мы не так бросались в глаза среди множества посетителей, которые приходили и уходили. Но, поскольку Йеро больше не было с нами, я хотела к вечеру вернуться в деревню, чтобы защищать ее.

– Нет, – ответила Вика, но ответ прозвучал слишком быстро. – Я просто заметила здесь знакомую и не хотела, чтобы она задержала нас со своими бестолковыми сплетнями. – По старой привычке она откинула прядь волос назад и тут же вернула ее на место. – Как твоя мама? И остальные в деревне?

Она хотела мне только добра, и я заставила себя улыбнуться. Я никогда не давала ей понять, как тревожно мне было каждый раз покидать деревню. Йеро надолго задержался с нами, помогая расправиться с дэмами, которые бродили по

лесу вокруг. С тех пор, как он отправился на поиски своей семьи, я осталась одной из немногих, кто еще мог защитить деревню. Дэмы отняли немало жизней, и выжившие – среди которых, слава горам, была и моя мать – страдали оттого, что большая часть скота погибла, а посевы были затоптаны. Помощь со стороны князя была в лучшем случае ограниченной, и даже так ее называли помощью лишь подлизы и угодники.

– Мама храбрая, – уклончиво ответила я. – Ей всегда становится лучше, когда приходит тепло.

Вика сжала мою руку:

– К осени у нее уже будет комната с камином в замке.

Но ее слова снова принесли мне скорее страх, чем утешение. В этом замке, где Аларик страдает день и ночь, мне придется жить?

– К тому времени мы его уже освободим, – прошептала Вика. Наверное, она ощутила, что у меня на спине выступил пот. – У Кадиза и Десмонда есть хорошие новости.

– А если у меня их нет?

Я должна была вернуть себе полную власть над колдовством. Однако с той ночи, когда Аларик с помощью магии Алсьяна-Дэра и моей собственной сделал себя Повелителем дэмов, магия будто испуганно пряталась от меня. Я еще ощущала ее колебания, обоняла ее, чувствовала ее на вкус. Но если я хотела ее использовать – воздействовать на нее, – меня тут же охватывала беспомощность, словно ребенка, от которого требуют читать и писать, хотя он не выучил ни еди-

ной буквы.

Я пыталась ухватиться за магию, пыталась охватить ее своим сознанием, но она вырывалась на свободу или следовала моей воле лишь вынужденно, чтобы как можно быстрее высвободиться снова.

Сначала я была ей за это почти благодарна. Быть может, думала я, моя задача исполнена. Немия спасена, а Аларик пусть и потерян для меня, но, по крайней мере, обречен на ту участь, которую выбрал сам. Он решил стать Повелителем дэмов, чтобы защитить нас всех.

Возможно, я должна это принять и однажды понять, что наше расставание было предопределено. Тогда зачем же мне магия?

Я сомневалась, что мои чувства имеют для судьбы какое-то значение. Чего стоит пара разбитых сердец по сравнению с благополучием целого народа?

Но тогда, когда мой рассудок наконец стал близок к тому, чтобы принять этот порядок как данность, когда сдержанная немийка во мне наконец взяла верх и я почти поверила, что это проклятое разрывающееся от боли сердце сможет продержаться еще немного, в низинную деревню пришел посланник.

Он был одет в цвета рода эс-Ретнея, и я ощутила болезненный укол оттого, что он даже не выделил меня взглядом среди других жителей деревни – и никогда не стал бы этого делать. Отец так и не узнал, что я подлинная на-

следница рода. Кроме меня и лжеца, личность которого была мне неизвестна, только один человек мог разгласить истину: Аларик Колэ. Но он теперь правил страной безумия, ужаса и желаний.

Нетерпеливо скручивая в узел пряди волос, я посмотрела на посланника, который на своей запыленной лошади выехал на середину рыночной площади:

– Чего вы еще ждете, сир?

Посланник посмотрел на меня сверху вниз. Как и все остальные, я пришла на рыночную площадь с оружием. После ночи, когда дэмы пришли в наш мир, здесь больше не устраивали ни торговли, ни праздников. Мы осмеливались выскользнуть из наших хижин только по самым неотложным делам, по возможности стараясь оставаться под той иллюзорной защитой, которую нам давали деревянные стены и двери. В последние недели дэмов явно стало меньше, но никто не хотел, чтобы оставшиеся застали врасплох. Мы даже спали, держа в руке вилы, косы и ножи, опасаясь, что дэмы нападут во сне.

Аларик сдержал обещание, и границы закрылись. Но сколько монстров осталось к тому моменту на нашей стороне, видимо, так и останется тайной. Я лишь знала, что их слишком много.

Посланник громко откашлялся:

– Я приказал, чтобы пришли все жители деревни. Где ваши люди?

– Вы смеетесь над нами?

В мою задачу не входило говорить за всю деревню. Старосты у нас большие не было. Лирасс, аптекариша и мать Теобо, погибла в сражении с дэмами, и до сих пор мы так и не выбрали новый голос деревни, потому что у нас было достаточно других дел. Мы даже не смогли должным образом похоронить всех погибших.

Мои руки невольно сжались в кулаки. В этом ужасном прорыве дэмов была и моя вина, но эта мысль должна оставаться погребенной глубоко внутри. Если она во всей своей жестокой неприглядности поднимется на поверхность, я больше не смогу помогать деревне. А я еще была ей нужна. Я была одной из немногих, кто не поддавался панике, когда твари подкрадывались, скрываясь в лесном кустарнике. Я была одной из тех, кто не пугался сражения с ними. Я придавала храбрости другим, показывая, что дэмы состоят из плоти и крови. Что мы можем их убить, когда они нападут на нас.

– Те, кто присутствует здесь, о голос замка эс-Ретнея, – это все мужчины и женщины низинной деревни, – выкрикнула я, потому что, за исключением двух или трех взрослых, отсутствовали лишь пара детей, больные и те, кто был слишком стар, чтобы прийти на рынок. И, разумеется, Йеро. Но о том, что паладин без пятерни находился в деревне, в замке никто не знал. Он охранял дом моей матери, пока я была здесь, и старался не привлекать внимания. В

конце концов, его ведь изгнали много лет назад. – Скажите, что должны, и уезжайте прочь. Время, когда мы просили эс-Ретнея об оружии, прошло!

Люди зашептались. Несколько женищин возмутили мои бесцеремонные слова, потому что они ожидали поддержку от замка. Они не знали, что нам не дадут помощи, даже если мы будем умолять на коленях.

Другие были согласны со мной. Каждый из присутствующих кого-то потерял – отца или мать, мужа или жену, сына или дочь, – и их скорбь повисла над площадью как горький дым. Они больше не скрывали разочарования.

– Сейчас нам больше не нужна помощь князя! – рявкнул кузнец, перекрывая гул голосов остальных. – Валите к Повелителю дэмов, о голос эс-Ретнея! И заберите с собой своих разодетых чистюль! Мы не собираемся кормить ни вас, ни вашу клячу!

– У нас самих больше ничего нет! – глухо произнесла пожилая женищина.

Крики зазвучали со всех сторон, и лошадь посланника отступила на пару шагов, когда несколько мужчин угрожающе подошли ближе.

Мне стало нехорошо. Если люди сорвутся и нападут на посланника, снова прольется кровь. Этого ни в коем случае нельзя было допустить. Деревня и так достаточно страдала.

– Дайте же ему высказаться! – выкрикнула я, вскочив

на большой камень, чтобы меня было лучше видно. — Я хочу знать, что хочет сообщить нам князь из своей безопасной крепости, стоящей высоко на горе!

Я ожидала, что теперь их гнев обратится на меня, но кузнец взглянул в мою сторону поверх голов остальных, а затем решительно кивнул.

— Дайте ему сказать! — повторил он мои слова своим угрожающим голосом. — Девушка с мюром имеет право услышать его ответы.

Девушка с мюром. Он имел в виду мой традиционный немийский изогнутый клинок, **мюродем**, который я больше не могла скрывать, когда дэмы напали на деревню. Никто не спрашивал, откуда он у меня взялся, хотя после изгнания было запрещено носить такое оружие. Жители деревни больше не переживали о соблюдении правил княжеского дома. Они были благодарны, что я умела обращаться с мюродемом.

— Ваш князь приводит в низину хороших покупателей! — выкрикнул посол. Он выглядел немного неуверенно — коротко натянул поводья своего мерина и старался держаться рядом с конным эскортом. Его рыжий конь беспокойно шагнул вперед, а затем назад. Его гриву трепал восточный ветер, **танэль**, теплый, но летом мягкий лишь изредка. И сегодня он налетал резкими жаркими порывами. — Ваш князь хочет сообщить, что понимает, как вам тяжело, и проявит милость. Он повелел, чтобы на следующую осень вам суще-

ственно сократили налоги.

Какая-то женщина громко расхохоталась:

— Он и без этого знает, что у нас больше ничего не осталось! Так что без разницы!

— Так и никак иначе! — выкрикнул какой-то молодой человек. Я разглядела короткие светлые волосы Теобо, молодого аптекаря. — Скажите назад, к своему князю, сир, и скажите ему, что мы тут помираем от искренней благодарности за такое великодушие! Впрочем, я полагаю, сир, что наша смерть его не слишком интересует. Не так ли?

Согласные выкрики зазвучали громко, и кое-кто уже развернулся, собираясь уйти домой.

Но посланник еще не закончил:

— Кроме того, ваш князь хочет сообщить, что власти чу-diща, которое грозило нам из Царства теней, пришел конец.

Теперь он привлек всеобщее внимание — на такое заявление никто из нас не рассчитывал.

Один из кузнецов не стал молчать:

— Он хочет сказать, что изничтожил всех дэмов? Тогда он просто не был в наших лесных чащах.

— Это лишь вопрос времени, — произнес посланник. Теперь, когда все замолчали, ему больше не приходилось кричать. Он отряхнул пыль с куртки, а затем продолжил: — Наш князь победил Повелителя дэмов и заточил его в темницу.

Нет.

Меня окатил горячий порыв танэля, я покачнулась, стоя

на камне, и мне пришлось ухватиться за плечо какого-то мужчины, чтобы не упасть.

– Нет!

Жители деревни снова зашевелились. Кто-то радовался, кто-то был охвачен ужасом.

– Все в порядке, Лэйра? – спросил меня мужчина, за которого я зацепилась. Я знала его, он работал в столярной мастерской. – Ты побелела, как меловые скалы. Все нормально?

Я восстановила равновесие, кивнула и подняла голову, чтобы не упустить ничего из того, что скажет посланник, хотя охотнее всего я сейчас зажала бы уши.

Это ведь не может быть правдой, да? Мой отец держит в плену дэма, которого по ошибке принимает за Повелителя. Вот что, наверное, случилось. Он никогда не смог бы одолеть Аларика!

– И он думает, что мы этому поверим? – рявкнул кузнец.

Жена мужчины вцепилась в его руку. Ей стало жутко от одной мысли об этом.

– Если представить, что это правда – он будет мстить. Повелитель дэмов будет мстить за каждое оскорбление! И кого он встретит, когда придет своих тварей? Высоко-родных, спрятавшихся в замке, защитит их гвардия. А кто защитит нас?

Лошадь посланника переминалась с ноги на ногу, словно пританцовывая.

– Приходите в замок, если не верите, что ваш князь одержал победу! То, что когда-то было Повелителем дэмов, выставлено напоказ, чтобы все люди Немши могли увидеть своими глазами, что их князь сильнее древнего проклятья!

«То, что когда-то было Повелителем дэмов...»

Ужас оттого, что эти слова могут означать его гибель, словно ударил в лицо. Мне пришлось зажать рот обеими руками, чтобы сдержать крик.

– Он всего лишь пленник. Закованный в цепи, которые лишают его силы. Придите в замок, люди, и узрите сами!

Когда я это услышала, у меня подогнулись колени. Похоже, Аларик был жив. Слава горам, хотя бы это. Я попыталась спуститься с камня, но это удалось мне только с помощью окружающих.

– Меня это тоже тревожит, – сказала мне какая-то женщина. – Это сильно разозлит дэмов. Эта война еще не окончена. Она только началась.

Протолкнувшись мимо нее, я заставила себя двигаться, шаг за шагом. Торопливо, но не переходя на бег. Я должна увидеть своими глазами, что стало с тем, кого я любила.

И я увидела. Неделю за неделей я наблюдала за его муками. Пока наконец не поняла, что он не сможет освободиться сам.

Это я должна его освободить.

Глава 2

КАЛЕЙЯ

Помост, на котором отец должен будет превратиться в огонь, как это подобает князю Кеппоха, был готов уже с прошлой ночи. Его кончина оставалась вопросом нескольких дней, и Калейя с тревогой и страхом ожидала наследства, которое ей предстояло принять.

Она стояла на верхней ступеньке широкой парадной лестницы, ведущей во двор, где в праздники собирались люди. Больше двадцати двух лет назад здесь ее показали народу – голую, перемазанную кровью, вопящую во все горло – в левой руке отца. Тогда все взгляды были обращены на младенца в его правой руке. На сына, который даже не закричал, когда его предъявили народу, а лишь позорно молчал, словно щенок, которого милосерднее будет сразу же сунуть под воду.

Скоро она снова будет стоять с отцом здесь, наверху, у нее в ушах будут звучать радостные вопли толпы, на *ее* лице будут выжжены традиционные символы – последний и высочайший из почетных знаков. Отец покинет этот мир и превратится в пламя.

А она станет княгиней. Первой княгиней своей родины.

Оранжевый и золотой цвета пламенели в утреннем небе над Кеппохом, выгоняя серые оттенки ночи даже из дальних углов. Страна, которая уже скоро будет принадлежать ей, сияла, как феникс. Калейя мысленно поклялась этой земле, что не разочарует ее.

– Ваша лошадь готова, миледи, – произнес конюх. – Все вещи погружены. Как только вы прикажете, мы отправимся в путь. – Он подождал, пропуская ее. Калейя сбежала вниз по изогнутой боковой лестнице, откуда можно было пройти в конюшню. Она была более чем готова. Уже несколько недель она ждала возможности изобразить удивление. Сначала перед командиром кеппоханских войск, а потом, когда он, исполняя свой долг, поведет армию в бой, – перед своим народом.

Командир – серьезный спокойный мужчина с темной короткой бородой, в которой проглядывали первые седые волосы, уже сидел на своей лошади, когда она вошла. Эту грубость она пока что ему прощала. Но скоро перестанет. Каллахан Брок, которому уже больше тридцати зим, был явно старше, чем большинство других, занимавших те же должности, и это свидетельствовало о том, насколько он хорош. К сожалению, он до сих пор не произвел наследника, который потом занял бы его место, и это постепенно превращалось в проблему. Вряд ли это так уж сложно – оплодотворить женщину, тем более что они на него так и вешались.

Доходившее до колен *мовлэ* Калейи скользнуло по блестящей черной спине Нара, когда она села верхом и поправила полы одежды. Они легли спереди на левое плечо коня, сзади – на его правый бок, чтобы ничто не помешало схватиться за крепившийся слева меч. Калейя кивком подала сигнал. В сопровождении четырнадцати воинов и полдюжины слуг они стройным галопом поскакали на юг.

Земля затвердела на солнце и тяжело прилипала к копытам лошадей. С разумной точки зрения, было слишком жарко для быстрой езды, но Калейя знала, что сейчас может позволить себе действовать нерационально. Нар был в хорошей форме, и беспокоиться о нем ей не приходилось. Нужно подготовить следующую битву, чтобы, когда отец умрет, сражение уже шло. Тогда она сможет использовать эмоции своего народа. Это мотивирует войска еще лучше сражаться против Эшриана.

За новую огненную княгиню солдаты будут сражаться как дикие звери. А ей было необходимо именно это.

Забытый лес расстился перед ними, как кладбище, сухой и обгоревший так, что земля потрескалась, а воздух между короткими пнями колебался от жара. Посадка деревьев требовала больших усилий и занимала слишком много времени. Ее родители и предки истощили Кеппох в погоне за выгодой, без малейших угрызений совести оставив на произвол судьбы Калейю и народ Кеппоха – ее народ. Оставили мир, где все печи остынут, если она не станет умолять Ис-

тинную королеву, чтобы Лиаскай послала им новое топливо для печей.

Но никогда, по крайней мере, пока Калейя жива, Кеппох не станет ничего просить у Лиаскай. Ее отец хотел, чтобы она пошла этим путем. Он хотел поддержать Аларика и сделать его своим наследником. Аларик стал бы просить. Но не она.

* * *

Через десять дней пути верхом по забытому лесу они достигли предместий ничейной земли, пустынной каменистой равнины, где почва не порождала ничего, кроме все тех же камней, и единственными представителями флоры и фауны были кактусы, ящерицы и змеи. Сюда никто не приходил по доброй воле – самое лучшее место, чтобы втайне основать город.

Пыль проникала повсюду, она покрывала кожу и волосы, забивала нос и заставляла лошадей громко фыркать. Каменистая земля требовала свою дань и взимала ее. Всего за два дня они потеряли уже трех хороших лошадей, а один мужчина заболел так тяжело, что его пришлось оставить.

Потом они дошли до поселения, которое Калейя устроила в тени скалистой расщелины, где нашелся источник воды. Ее люди называли это место в ее честь. Кайя-Калейя.

Они прошли мимо нескольких жилых бараков и загонов для скота, в которых дремали на жаре лошади, тягловые бы-

ки и служившие источником пропитания козы. Дальше тянулись кузницы. От них доносился запах огня и расплавленного немийского железа, от которого кружилась голова. Калейя любила этот аромат. Там, где горит огонь и куют мечи, Кеппох проявляется во всей своей мощи.

«Спасибо, брат», – впервые подумала она, хотя эта мысль была окрашена тенью иронии. Жертва была велика, горька и мучительна, но она оправдывает себя. Должна оправдать. Это было необходимо для Кеппоха.

Осмотр. Так командир называл то, что им предстояло. Она мысленно усмехнулась. Он еще ничего не знал о том, *сколько* новых войск ему предстоит сегодня увидеть. И прежде всего, он не знал, какая совершенно особенная награда ожидала его лично. Она расскажет ему потом, что для него наступило время подумать о семье. Такой статный мужчина не должен умереть, не оставив наследника – сына или дочери, в котором продолжатся его достоинства.

Когда они приближались к тренировочной площадке, Калейя краем глаза посматривала на командира и наслаждалась тем, как он явно пытался не выдать удивления. На такое количество людей он не рассчитывал. Ни он, ни кто-либо другой.

Калейя любила сюрпризы.

– Миледи, – выговорил он, когда они добрались на лошадях к краю площадки. Затем ему пришлось отереть пыль с губ. Его взгляд метался по мужчинам и женщинам, стояв-

шим в строю, подняв головы, глядя вперед, ожидая приказаний. Им выдали рубашки без рукавов, чтобы было видно, что их плечи остались сильными, а руки – мускулистыми, хотя сами они немного исхудали и устали после тяжелого пути через немийские горы и нескольких недель пешего пути сюда, в новый город под названием Кайя-Калейя.

Несмотря на все лишения, эти мужчины и женщины были готовы два года безоговорочно служить Кеппоху. Службой князь эс-Ретнея называл то, что Калейя определяла как рабство. Это была цена, которую эти люди заплатили, чтобы их дети, жены, старики и больные сохранили убежище в горах Немии. Заплатили за защиту, которую их бесполезная родина под названием Эшриан уже давно не могла им дать. То, что полгода назад орды дэмов прошли по Немии, только повысило готовность людей продавать свой труд ради убежища в глубине гор. Немийский князь эс-Ретнея, возможно, был малодушным. В нем не горел огонь, и потому Калейя презирала его. Но он, как никто другой, умел надавить на людей. Только глупец не стал бы использовать его способности в своих целях.

– Миледи, – командир, похоже, понемногу овладел собой. – Это эшрианцы.

Она довольно кивнула:

– Числом восемьсот.

– Это по меньшей мере рискованно – вторгаться в Эшриан с эшрианцами.

Нахмурившись, она посмотрела на командира:

– Вы критикуете мой план еще до того, как о нем узнали?

– Разумеется, нет, миледи.

– Хорошо.

Горячий ветер бросил волосы Калейи ей в лицо. Она наклонила голову, чтобы следующий порыв снова откинул их за плечи:

– При эшрианском дворе все слишком заняты мелочными семейными склоками, чтобы заботиться о потребностях простых людей. Это преступление и недееспособность – оставлять в беде свой народ. Непростительно цепляться за власть, с которой не можешь справиться. Ненависть к княжескому роду Эшриана уже сейчас нарастает в этих людях. Нужно лишь воспламенить ее.

– Звучит многообещающе...

– Ха-ха, я еще не закончила. Конечно, это перспективно, но также мне известно, что один-единственный раб с искрой предательства в сердце способен принести огромный вред. Вред, с которым я не хотела бы иметь дела. Этим рабочим не дадут оружия. Ни меча, ни стрелы, ни огня.

Командир потер бороду и посмотрел на Калейю, словно пытаясь заставить ее говорить быстрее. У него были умные серые глаза, от которых, кажется, ничего не ускользало.

Девушка внимательно рассматривала его. Ей нужно осторожнее выбирать, какие карты ему раскрыть.

Сняв с пояса свою фляжку с водой, она спокойно отпила

немного, прежде чем продолжить:

– Их поведут воины Кеппоха, но сами эти люди не получат ничего, кроме топоров и пил. Вместо лошадей у них будут запряженные быками повозки, чтобы перевозить деревья, которые они будут срубить.

Дело было именно в деревьях – Кеппоху нужно было как-то выжить сейчас, пока истощенная земля снова не начнет плодоносить, и для этого нужны были леса Эшриана.

– Мы вторгнемся в Эшриан с севера. Прямо у границы с Лиаскай. Королева не станет возражать. Она в долгу перед моим отцом, потому что он когда-то помог ей сбросить с трона брата. Может быть, ей это даже понравится. Ходят слухи, что в Эшриане еще скрываются маги из кланов, а по закону они должны быть переданы на службу Истинной королеве. Однако герцог Эшриана не проявляет сильного желания их выдать. Так что королева в любом случае не станет нам противостоять – скорее поблагодарит меня.

Командир кивнул:

– Мы уже давно контролируем важнейшие транспортные пункты в этом регионе. Если люди будут быстро работать и перевозить древесину, все окажется совсем несложно. Мы могли бы присоединить весь Эшриан раз и навсегда.

Калейя думала об этом, однако у нее были возражения:

– И сделать нашими врагами тех, кто мог бы ими не быть? Это не слишком умно. Истинная королева в долгу перед нами с тех пор, как отец однажды помог ей войсками, но было

бы глупо рассчитывать на ее помощь, если мы поведем себя слишком агрессивно. Я бы ограничилась лишь северной частью Эшриана. Леса от границы Амисы до южной части Соляного моря. Поверьте мне, Брок. Этого будет более чем достаточно. Эшриан будет благодарно лизать нам сапоги за то, что мы проявим к ним милость, присоединив лишь часть и проведя границу по этой линии, благодаря чему они смогут сохранить Дом духов, как они называют свой замок.

– Вы впечатляете меня, – напрямую произнес ее собеседник. – Вы воистину дочь своего отца.

«О, я намного больше», – подумала она и позволила себе слегка улыбнуться этому человеку.

– Но одно не дает мне покоя, леди Калейя. Что вы предложили Немии, чтобы они прислали вам рабочих в таком количестве? Я рассчитывал на сотню или две мужчин. А здесь...

Было в высшей степени приятно увидеть, что Каллахан Брок потерял дар речи – Каллахан Брок, который полжизни работал на отца и никогда не выглядел впечатленным чем бы то ни было.

– Это не только мужчины и женщины. – Калейя бросила взгляд на сотни голов, которые тянулись к повозкам за площадкой. Их уже начали распрягать, чтобы перенести содержимое к печам и использовать его в деле. – Также мы получили сотню бочек железной руды и столько же каменного угля.

Командир приложил огромное усилие, чтобы не показать,

как колеблется между ужасом и удивлением – но Калейя читала людей, как открытые книги. Без этого дара она никогда не зашла бы так далеко.

– Что вы дали князю в обмен на это?

Не меньше, чем собственного брата. Она поиграла с мыслью произнести это вслух – просто чтобы еще раз произвести впечатление на командира. Однако это повлекло бы за собой вопросы, для ответов на которые у нее сегодня не хватает терпения. Она была голодна и мечтала о ванне и палатке, в которой не будет ничего, кроме нее самой и постели с мягкими подушками.

– Мне дали мудрый совет, – ответила она, думая о своем новом союзнике – таинственной женщине, которая была будто одновременно всюду и нигде, в чьем небольшом, но сильном войске были создания, будто вышедшие из ада. – Я заточила в цепи самый великий страх немийцев и дала эти цепи в руки князю.

Глава 3

ЛЭЙРА

Как всегда, когда приходили в таверну, мы с Викой сначала выпили слабого эля, затем вместе отправились в уборную и на обратном пути проскользнули в дверь с табличкой «Не входить». Если бы мы сразу прошли в задние комнаты, которые Десмонд арендовал для наших встреч у хозяина таверны, а по совместительству своего друга, это выглядело бы слишком подозрительно.

Мне всегда казалось, что я хорошо знаю Десмонда, но к этому моменту стало ясно, что вряд ли кто-то еще скрывает столько тайн, сколько он. Наверное, Кадиз был его самой большой тайной – и уж точно самой красивой. С тех пор, как отец наложил на Десмонда проклятье, они с Кадизом стали еще осторожнее. Ведь теперь было ясно: верховный министр не остановился бы и перед убийством собственного сына.

Сам Десмонд всегда попадал в комнату через второй вход, который вел в частные помещения, принадлежавшие хозяйну таверны, а Кадиз перелезал через стену замка, на которой он в своей одежде гвардейца ничем не выделялся среди других патрульных. С внутреннего уступа крепостной стены он

спускался на крышу таверны, а затем пробирался в окно.

По ним обоим было заметно, как они привыкли прятаться – это было частью их жизни. У нас с Викой, напротив, каждый раз сердца колотились от волнения.

– Ключ у меня, – сказал Кадиз, ловко усаживаясь на лавку рядом с Десмондом, словно огромный кот. Он положил перед нами на стол коричневатый полупрозрачный кусок застывшей смолы размером с кулак. – По меньшей мере, его слепок. И это уже было достаточно сложно.

Я провела кончиками пальцев по очертаниям бородки ключа:

– Наш кузнец сможет сделать ключ по этой форме. Он не станет задавать вопросов. – По крайней мере, я надеялась, что он уже достаточно мне доверяет. Ключ, который мы хотели изготовить с помощью этого слепка, открывал узкую железную дверцу, ведущую на карниз под окном, где Аларик был прикован к стене. Я должна была наконец подобраться к нему достаточно близко, чтобы разбить цепи с помощью магии. И это являлось самой большой проблемой.

Успех всего плана зависел от моей магии.

Наклонившись вперед, Десмонд оперся локтями о стол:

– В День солнечного поцелуя горняки хотят устроить перед кабинетом верховного министра протест против ухудшения условий труда. Это наш шанс, они отвлекут внимание. Время ожидания кончилось.

От этого внутренности словно завязались в узел. День сол-

нечного поцелуя – чуть больше чем через неделю. Аларик должен продержаться еще несколько суток, день и ночь стоя в цепях, не отдыхая ни секунды. Несколько дней, в течение которых люди будут бросать в него камни, а иногда и пускать стрелы. Несколько дней там, где даже одно мгновение – слишком много. Мне стало дурно.

Несколько дней, за которые мне нужно научиться использовать магию целенаправленно, чтобы я смогла с ее помощью разрушить кандалы, скрепленные мощным колдовством. Оковы, с которыми ничего не мог сделать сам Аларик.

Времени было слишком много и слишком мало одновременно. Я чувствовала себя ужасно беспомощной. Ответственность подавляла меня.

Вика под столом взяла меня за руку, и только когда она слегка сжала пальцы, я ощутила, насколько замерзли и вспотели мои собственные.

– Я поговорил с человеком, которому доверяю, – продолжал Кадиз. – Нам будет совсем несложно подтолкнуть протестующих, чтобы митинги переросли в восстания и бунты. Настроения среди рабочих настолько разогреты, что достаточно одного слова, чтобы котел взорвался. Все стражники будут заняты тем, чтобы подавить бунт и не дать городским жителям разобраться в происходящем. Экстренный протокол предписывает оттеснять людей в разные стороны. Для этого понадобится много гвардейцев, и поэтому мы получим то, что нам нужно, чтобы Лэйра пробралась к Аларику: на

несколько секунд все отвлекутся, и у нас будет немного времени.

Зеленые глаза Десмонда посмотрели на меня. Однако энтузиазм, который еще горел в них, погас, когда он понял, что я могу предложить ему в ответ лишь страх и беспомощность.

– Лэйра. – Десмонд вытянул обе руки над столом и положил их мне на плечи. – Сейчас тебе нельзя сомневаться в себе. От тебя зависит, сможем ли мы...

– Так, не дави на нее! – Вика вскочила, ее стул проскрежетал по полу, и она рассерженно прошла по комнате взад и вперед. – Весь этот план на самом деле смехотворный. Он держится только на том, что Лэйра... – ее голос опустился до шепота, – что Лэйра сможет разогнуть эти железные оковы одной лишь силой воли.

– Магией, – спокойно поправил Кадиз. – Я бы сказал, что тут есть некоторое отличие.

Лицо Десмонда дернулось. Его не в меньшей степени, чем меня, впечатлило, как спокойно Кадиз принял то, что перевернуло всю его картину мира, словно домик, выстроенный из карт для игры в «элементы». Еще несколько недель назад он боялся магии и испытывал отвращение к ней, как и любой прилично воспитанный немiec.

– Но что, если магии Лэйры окажется недостаточно? – задала Вика вопрос, который крутился и в моей голове. – Что, если колдовство, держащее Аларика в цепях, сильнее ее?

– Нам нельзя опускать руки сейчас, а если мы этого испу-

гаемся, то сдадимся. Покоримся.

Все в Кадизе казалось мягким. Его голос, каштановые кудрявые волосы и выразительные глаза, которые в зависимости от угла зрения казались зелеными или карими. И при этом он мог глубоко тронуть собеседника единственным спокойно произнесенным словом. Раньше я никогда не знала его по-настоящему и считала поверхностным человеком. Теперь я понимала, что он просто специально старался не производить ни на кого сильное впечатление. Он был хитрым и умным, как его гора-защитница Иста, и я очень не любила ему возражать. Но сейчас я понимала, что права.

– Игнорировать этот страх было бы глупостью. Сейчас я едва ли смогу согнуть с помощью магии даже проволоку. Было бы безумием верить, что через несколько дней я смогу снять с тела Аларика мощные оковы.

Десмонд подпер лоб кулаком:

– А если ты будешь еще больше тренироваться до Дня солнечного поцелуя? В ближайшее время у нас не появится другой такой возможности отвлечь гвардейцев.

Я покачала головой:

– Десмонд, магия – это не боевое искусство. Магия как время. Она возникает из другой магии. А если использовать ее всю – ей конец.

– Тогда тебе нужно успокоиться, – произнес Кадиз. – И больше не тренироваться начиная с этого момента. Собери столько магии, сколько сможешь.

А если ее не хватит?

Мне не нужно было произносить этот вопрос – друзья почувствовали, как он витает в воздухе.

– Ты просто боишься, – сказал Десмонд. – Я понимаю. Мы все боимся.

Он совершенно не понимал меня в этом плане. Разумеется, я боялась, но к этому уже привыкла. Я боялась всегда – моя жизнь состояла из страха и его преодоления, снова и снова, каждое утро, когда я открывала глаза и была Лэйрой. Лэйрой, внутри которой жила магия. Страх и его преодоление.

А теперь добавилось многотонное чувство вины не только перед Алариком и моими друзьями, но и перед горняками. Гвардия встретит давно назревший протест, который мы собираемся использовать в качестве отвлекающего маневра, явно не дружескими словами. Если будут арестованные или раненые, это наша вина. Горняки не ждут такого отпора. Кто мы, если используем их точно так же, как это делают князь и верховный министр?

Но ведь и Аларик тоже не виноват. Он принес в жертву жизнь и свободу, чтобы спасти Немию от дэмов. Страну, которая теперь приковала его цепями к своим стенам, истязала его, издевалась над ним.

– Я боюсь, что мы совершаем ошибку, – тихо произнесла я.

– О чем ты думаешь? – В голосе Десмонда прозвучало

нетерпение. Он уже давно знал ответ. Он хорошо понимал меня, и, в отличие от Вики, он без колебаний это демонстрировал. – И только не начинай о том, что ты хочешь рассказать отцу всю правду.

– Десмонд... Если кто-то нам и поверит...

Десмонд с грохотом ударил обоими кулаками по столу, и я в ужасе отшатнулась.

– Ты не скажешь ни слова! Слышишь меня, Лэйра? Ни одного! Чертова! Слова!

Я отпрыгнула, чуть не опрокинув стул, и бросилась к двери. Я больше не могла все это выносить. Это бездействие. Эту безнадежность. Непонимание друзей, которые словно не хотели видеть, что я могу лишь испортить план. Саму себя.

Но, прежде чем я успела добраться до двери, Десмонд уже заслонил мне путь и схватил за плечи:

– Лэйра, пожалуйста. Прости. Я не хотел тебя пугать. Мне жаль.

– Отпусти меня! – Я ударила его в грудь и попыталась оттолкнуть, но он крепко меня держал.

– Лэйра, он прав, – прошептала Вика у меня за спиной, но я не хотела этого слушать и продолжала колотить кулаками лучшего друга, который стоически сносил удары, хотя его лицо исказилось от боли. В какой-то момент он, видимо, решил, что с него хватит, и просто прижал меня к себе, так что мне оставалось только беспомощно дергаться.

– Успокойся, – произнес Десмонд. Он повторял это бес-

численное множество раз. – Успокойся, Лэйра!

Но как я должна успокоиться? Наверное, они могли вынести страдания Аларика. Они могли убедить себя, что он такой сильный, что у него много магии и ничто не сможет его сломать. Вот только они ошибались. Они очень сильно ошибались. Они понятия не имели, кем Аларик был на самом деле. Они не знали, как легко было причинить ему боль. Они понятия не имели, сколько слабых мест он прятал за своими шутками. Что он даже не смог убить девочку-дэма, хотя все в тот момент воспринимали ее как угрозу. Что он еще ребенком десятикратно продал свою жизнь за ничтожный шанс спасти сестру. Каждый раз, когда я думала о нем, я думала и о ней. О Калейе.

В моем воображении она была похожа на него – изящная юная женщина с отливающими алым черными волосами и синими глазами. Оставило ли заключение следы на ее теле? И что осталось от ее души?

Я не смогла исполнить обещание, данное Аларiku, и сломать последнюю долговую печать. Из-за этого Калейя оставалась неизвестно где – неизвестно, в чьих руках, – а Аларик должен был нести в себе эти страдания, пока мой отец держал его в плену, наказывая за то, в чем он не был виноват.

Когда я успокоилась и лишь тяжело дышала, уткнувшись лбом в плечо Десмонда, а его рубашка промокла от слез, он подтолкнул меня к столу и усадил на лавку. Кадиз поставил рядом со мной стакан и налил из глиняного кувшина воды,

но я смогла отпить лишь чуть-чуть. Внутри все словно стянуло веревками, и мне казалось, будто я беспомощно тону, не в силах выплыть.

– Я должна что-то сделать, – прошептала я. – Аларик больше не выдержит.

Десмонд взял меня за руки и заглянул в глаза, дожидаясь, пока я найду в себе силы ответить на его взгляд:

– Он Повелитель дэмов. Разве может что-то извне причинить ему вред?

Если бы только я могла поверить в его слова. Но я видела Аларика, видела, как он висел на цепях, едва способный удержаться на ногах. Я знала магию, которую он теперь носил в себе. Она давала силу, но и имела свою цену.

– Это они так называют его, – слабо возразила я. – Вот только это Аларик. Но как долго он еще им останется?

– И именно поэтому ты, во имя всей защиты, которую дают нам горы, ни в коем случае не должна совершать эту глупость. Ты не поможешь Аларику, если тебя саму заточат в тюрьму или убьют. А именно это произойдет, если твой отец узнает, что на самом деле случилось в Царстве дэмов. Ты же не рассчитываешь, что он проявит к тебе милость?

Кадиз снова сел рядом с Десмондом:

– Лэйра, Дес прав. Мы ведь пытались объяснить князю, что новый Повелитель дэмов – вовсе не монстр, которым все его считают. Ему все равно. Он просто использует его, чтобы продемонстрировать свое превосходство и укрепить свою

покачнувшуюся власть. Больше его ничего не интересует.

Десмонд мрачно кивнул:

– Твоего отца не волнует истина. Так же, как и моего. Даже если бы они все знали правду, они бы все равно использовали Аларика Колэ ради собственной выгоды.

Кадиз положил руку на плечо возлюбленного, и напряженная складка у его рта немного разгладилась. Десмонд даже едва заметно благодарно улыбнулся в ответ.

После нашего возвращения я снова и снова спрашивала себя, как я могла не заметить столь сильные чувства между ними. Даже когда они просто находились в одной комнате, воздух будто искрился.

– Наши отцы, – произнес Кадиз и перевел взгляд с Десмонда на меня, а затем снова на него, – использовали бы все и всех, чтобы получить преимущество. И народ Немии им верит.

Отец Десмонда сам отправил Кадиза в Царство дэмов, чтобы тот потребовал от Повелителя освобождения сына. По крайней мере, это было правдой, которую хотела услышать Немия. То, что верховный министр сам проклял своего отпрыска, не знал никто, кроме нас. И Десмонд хотел, чтобы так это и оставалось. Ведь кто нам поверит? Они арестуют нас, если мы озвучим свои подозрения.

Все произошло совсем иначе, чем планировал отец Десмонда, потому что фемаршал Сана Филлес убила Повелителя дэмов Риана Циру, тем самым разрушив границы Алсья-

на-Дэра и отправив дэмов в ужасный разрушительный набег. В конце концов, мы смогли спасти Немию и остальные страны только благодаря тому, что я короновала нового Повелителя дэмов, который снова восстановил границы. Но по эту сторону никто не должен был об этом узнать. В Немии было чересчур много правил и законов, и ни один не был настолько беспощаден, как закон об использовании магии.

Дес и Кадиз были правы. Никто не поверит ни единому нашему слову, а меня убьют, забросав камнями, просто за то, что я ношу в себе магию. Мое чувство вины уже давно стало таким тяжелым, что я без сожалений согласилась бы на эту смерть и приняла ее, если бы только это хоть чем-то помогло Аларику.

– Если ты принесешь себя в жертву, – произнес Десмонд, словно прочитав мои мысли, – Аларика это точно сломает, Лэйра. Не отнимай у него надежду. Он верит в тебя и готов ждать столько, сколько понадобится.

У меня выступили слезы:

– Он это сказал? – Десмонду и Кадизу иногда удавалось прокричать Аларику пару слов через железную решетку, и время от времени он им отвечал.

– Он держится, – уклончиво ответил Кадиз.

Я перевела взгляд на Вику. Она была бледной и неподвижной. Мне не нравилось видеть ее настолько испуганной. Такой она не была никогда – и не должна становиться такой. Вика была девушкой с мечом – воительницей, которая по-

клялась прогнать войну за горы, если только она снова придет на нашу землю. Каждое слово правды, которое я бы произнесла, могло навлечь опасность и на нее. Никто не знал, что она побывала в Царстве дэмов – все считали, что она путешествовала в Лиаскай, чтобы посетить храмы. Она рассказывала, что наткнулась там на ядовитый кустарник, объясняя этим следы шрамов, которые испещряли все ее лицо, шею и руки. Ей станут задавать и другие вопросы – опасные вопросы, – если кто-то что-то заподозрит. И если окажется, что во мне, ее лучшей подруге, есть магия, это возбудит еще больше подозрений.

– Вы правы. Я это знаю. – Я крепко сжала стакан. На поверхности воды колебались крошечные волны, потому что у меня дрожали руки.

– Магия придет к тебе, когда будет нужно, – подбодрил меня Кадиз. – В замке Повелителя дэмов все так и было. Она пришла в самый подходящий момент.

Я снова вспомнила, что сказал мне Аларик после того, как я потратила все частицы, которые были в рассекателе времени.

«Время не появляется из ничего. Оно приумножается, возникая из других частиц. Если растратить время до последней крупички, все кончено».

Жизнь очень похожа на время. Магия, быть может, тоже.

Глава 4

АЛАРИК

Из всех оков, из всех цепей бессмертие – хуже всего.

Все остальное когда-нибудь кончается. Но время? *Его* время? Как долго он еще будет в состоянии воспринимать его течение? И что произойдет потом? Потерять рассудок – звучит заманчиво. Но что остается, когда разум уже потерян? И теряются ли вместе со здравым смыслом и ощущения, в которых и было все дело, в конце концов?

Телесной болью можно было пренебречь. За исключением отдельных проявлений жестокости, он мог отстраниться от того, что их магические оковы впиваются ему в предплечья, что их края раздирают его кожу, а его плечи держатся только благодаря тому, что мышцы сведены судорогой.

Когда они добрались до крыльев, это было жестоко, но в то же время он ощутил облегчение, потому что на короткий блаженный миг подумал, что они решили его прикончить. Но потом... Ему пришлось признать, что даже этого явно недостаточно, чтобы умереть. Это воспоминание причиняло ему больше боли, чем страдания его тела.

Солнце все еще обжигало ему глаза, заставляя их слезить-

ся, пока слезы не сменяла кровь. Его тело было иссушено жарой. Так же непрестанно горели и чувства у него внутри, становясь сильнее, день за днем, день за днем, день за днем...

Они становились сильнее, несмотря на все остальное. Людей, которые выкрикивали ему в лицо проклятья, швыряли в него свою ненависть или камни размером с кулак. Людей, которые глазели на него, кричали, смеялись над ним, когда он, повинувшись низменному инстинкту, слизывал капли дождя с каменной стены. Но они привыкали к его виду и скоро забудут, станут считать его лишь еще одной деталью замка, объектом ненависти, доказательством их победы, которое лишь иногда напоминает о себе слабым движением или тихим стоном.

Он рассчитывал, что стыд смягчит гнев. Но когда по его ногам потекло и он почувствовал вонь, позор лишь добавил к гневу.

Он думал, что страх смягчит ненависть. Но он просто пристроился рядом с ненавистью.

Он не думал, что будет вечно тосковать о мгновениях, когда люди смотрели на него с каким-то другим чувством, кроме презрения. О том, как когда-то его касалось что-то кроме длинных палок, дубин и кусков гнилой свеклы, которую в него кидали. И все же жажда мести не пожирала тоску, а лишь разжигала ее.

Дни и ночи становились все длиннее и длиннее, будто магия, которая заставляла солнце подниматься на небо и спус-

каться с него, теряла свою силу, как слабеющая от старости тягловая лошадь. Или просто его мысли стали быстрее, так что за одно мгновение он успевал подумать больше? Он ненавидел эти мысли, ему хотелось избавиться от них. И от надежды. Ему хотелось, чтобы он мог просто закрыть глаза и больше никогда не окидывать взглядом эту рыночную площадь и оживать, заметив Лэйру.

Он не мог избавиться от снов, в которых она улыбалась ему и говорила, что все когда-то будет хорошо.

Вот только Лэйра на самом деле никогда не улыбалась, когда приходила.

Глава 5

ЛЭЙРА

– Лэйра, давай сегодня не пойдем на рынок.

Я резко остановилась, так что меня чуть не сбила нагруженная фруктами повозка, потому что женщины, которые с трудом удерживали равновесие, таща ее по мостовой, не смогли быстро затормозить.

– Почему нет?

Вика переступила с ноги на ногу, рассматривая пол.

– Вика! Что случилось? – Я ведь уже проделала весь этот долгий путь сюда! Строить планы мы с тем же успехом могли бы и за пределами замка эс-Ретнея. Наверное, так было бы даже безопаснее. Я хотела приходить сюда как можно чаще, чтобы увидеть Аларика, даже если потом эта картина каждую ночь будет преследовать меня во сне. Это было ничто в сравнении со страданиями, которые приходилось переносить ему. Пока я верила, что мое появление дарит ему хоть какое-то утешение, дуновение надежды и воспоминание о прошлом, я не могла не приходить.

– Ничего, – сказала Вика. – Просто каждый раз тебе это дорого обходится – его увидеть. Что, если печаль мешает

твоей магии? Что, если тебе нужно немного отдыха, но ты просто не даешь себе его?

Как будто в деревне у меня был какой-то покой. Конечно, я не хотела, чтобы Вика тревожилась, поэтому не сказала этого вслух. Поэтому же я никогда не рассказывала ей, как часто у нас еще возникали трудности с одичавшими дэмами.

Я посмотрела на синее небо, по которому было видно, что день начинает понемногу клониться к вечеру. У меня оставалось мало времени, если я хотела успеть вернуться в деревню до темноты.

– Молодые дамы, молодые дамы! – какой-то мужчина толкнулся между мной и Викторией. Он собирался было положить руки нам на спины, но как только заметил мой недоверчивый взгляд и шрамы Викки, тут же передумал. – Ах, леди Вика. И Лэйра, будущая невеста. Приятно вас видеть. Выглядите голодными. Могу ли я предложить вам пирогов?

– Исчезни, Кэль. – Вика поморщилась. – И держи свои воровские лапы при себе. Карманник из тебя такой же, как и повар.

– И пироги у тебя *действительно* очень плохие, – поддержала я подругу скорее по привычке, чем потому, что этот парень всерьез меня разозлил. Уже много лет он пытался нас обокрасть. Возможно, для него это превратилось в игру, ведь мы никогда не ослабляли защиту.

Мы пошли дальше, а Кэль со своей корзиной, полной сухих и как будто запывлившихся пирожков, надувшись, побрел

в другом направлении.

— Лэйра, есть кое-что, о чем я тебе хочу рассказать. Мои сны... — Вика нерешительно смолкла, а затем заговорила дальше так быстро, что слова будто сталкивались и перемешивались друг с другом: — Лэйра, они изменились. С тех пор, как мы побывали в Царстве дэмов, мои сны больше не похожи на сны.

Я украдкой огляделась по сторонам, но вокруг было столько спешащих туда-сюда людей, парочек, ссорящихся из-за денег, матерей, окликавших детей, и торговцев, громко расхваливавших свои товары, что никто не мог подслушать, о чем мы говорили. Наверное, шепот скорее пробудил бы чье-нибудь любопытство. Поэтому я совершенно нормальным голосом ответила:

— Что ты имеешь в виду? — Я с трудом удержалась, чтобы не напомнить ей о том, как однажды нам уже чуть не стоило жизни ее нежелание поделиться своими мыслями. Но этого было уже не изменить, и она наверняка до сих пор упрекала себя за это.

— В своих снах я вижу только тьму, но мне постоянно кажется, будто я нахожусь в Царстве дэмов. — Она поднесла руку к своей щеке. — У меня покалывает кожу, словно то, что коснулось меня тогда, еще действует изнутри. А потом звучит этот голос. Мужской голос. — Ее щеки покраснели. — Он смеется надо мной, этот незнакомец, но в сновидении меня это не злит. Только потом, когда просыпаюсь.

– Ты можешь вспомнить, что он говорит?

– Каждое слово. Это отличает этот сон от всех, которые мне когда-либо снились. Он обвиняет меня в своей смерти. И он называет меня *принцессой в шрамах*.

То, что было даже не подозрением, а мимолетной смутной догадкой, теперь подтвердилось. Я прикусила нижнюю губу. Что это может означать, если...

– Ты знаешь, кого я вижу во сне, не так ли? – спросила Вика, от которой, по-видимому, не ускользало ни одно движение моего лица.

Почему-то я улыбнулась:

– Я лишь однажды слышала эти слова от человека, чьи насмешки напугали меня до глубины души, но при этом не разозлили. Их сказал Риан Цира, последний Повелитель дэмов, незадолго до смерти. И да, он имел в виду тебя.

– Что это значит? – Хотя Вика все еще казалась мне растерянной и испуганной, теперь контроль взяла другая ее часть – сильная. Она сжала кулаки и, судя по взгляду, готова была ринуться в бой. – Чего ищет мертвый Повелитель дэмов в моих снах? Как он туда пробрался? И чего он хочет?

Пройдя под сводом каменных ворот, мы оказались у входа во двор замка. Здесь никого не было. Шум города стал тише, из-за изгороди гоготали гуси. Над навозной кучей гудели и жужжали насекомые.

– Понятия не имею. Действительно не знаю, почему он может говорить с тобой.

– Сгораю от любопытства. Лэйра, если я ничего не перепутала, фемаршал убила его. – Она тяжело сглотнула, но все же не показала, что чувствует вину. Однако я ощутила, как это чувство нарастает в ней, и коротко прижала к себе, уткнувшись лицом в ее волосы. Раньше в ней было столько безграничной смелости, что ее хватало и на мою долю, а от ее переизбытка она часто совершала глупости. Куда делось все то, что делало нас обеих – нами? Сможем ли мы вернуть это? С кем или с чем нам придется за это бороться? Я не стану уклоняться от битвы!

Я отстранилась от Вики, чтобы увидеть ее лицо, и осторожно провела указательным и средним пальцами по тонкой сети серебристо-белых шрамов от ее переносицы, по щекам, до уголков рта.

– Мы решили, что это ненависть теневых дэмов испещрила шрамами твою кожу. Но что, если это было что-то другое? Что, если это... ну, что-то вроде их душ? Может, это даже та магия, что изменяет дэмов и позволяет им жить так долго?

– Что ты хочешь этим сказать?

– Что речь может идти о магии Повелителя дэмов. О магии Риана Циры, когда он был тем, кто превратил дэмов, которые нанесли тебе эти раны, в то, чем они в итоге стали.

Вика высоко подняла светлые брови:

– Ты хочешь сказать, что теперь эта магия...

– Что по крайней мере какая-то часть магии Риана Циры передалась тебе, да. – Я пожалела о поспешных словах и по-

качала головой: – Конечно, я не знаю точно. Я просто допускаю, что какая-то частица Риана выжила. Магия не умирает просто так, когда исчезает тело. К тому же его колдовство присутствует во многих созданиях. В дэмах, а возможно, и в тебе.

Эта мысль почему-то не пугала меня, а дарила надежду, несмотря на то, что Риан Цира был жестоким холодным правителем Алсьяна-Дэра. То, что Десмонд до сегодняшнего дня не рассказывал о своем заключении в Царстве дэмов, сообщало мне больше, чем любые слова. Но я не сомневалась: у Риана Циры были и другие стороны. Под конец нашего путешествия благодаря тем изображениям на стенах я смогла на короткое время увидеть молодого мужчину, каким он был до проклятья.

– Из своего замка он видел все свое Царство и даже то, что находилось за его границами. Как иначе, если не глазами своих дэмов? А для этого между ними должна была существовать какая-то связь.

– Значит, это магия, – сухо сказала Вика. – Во мне.

– И во всех тех дэмах, которых он создал. – И, вероятно, в Аларике, который не раз делал себе татуировки кровью дэмов, чтобы скрыть, что скрывало его на самом деле. – Но, Вика, если он говорит с тобой во сне...

– Какая-то часть меня все еще надеется, что это просто банальный сон.

Я внимательно посмотрела на подругу:

– Как будто в тебе есть хоть что-то банальное.

Разумеется, ее надежда вполне могла оказаться оправданной. Но как она могла сама придумать эти слова – *принцесса в шрамах*? Риан упоминал их лишь один раз, и тогда мы были одни в его комнате с камином, там, где я должна была решить, хочу ли спасти Десмонда, себя и Вику или Аларика. – Значит, тебе не кажется, что это просто сон?

Вика покачала головой:

– Честно говоря... – Она сглотнула, и я ободряюще кивнула ей. – Помнишь тот сон, который я видела в горе, когда мы пробирались в Царство дэмов?

Я никогда бы его не забыла. Ей снилось, будто она умерла при родах. И этот страх по-прежнему тлел в ней, даже после того, как мужчина, который хотел просить ее руки у родителей, увидев испещренное шрамами лицо, предпочел исчезнуть с горизонта. Но ее мать по-прежнему считала: Вика уже немолода, чтобы оставаться незамужней.

– Он меня преследовал, этот сон. Он возвращался снова и снова.

– Вика, – тихо произнесла я. Мне стало так ужасно жаль ее, что на глаза почти что навернулись слезы. Видение, которое явилось ей тогда, внутри горы, было настолько тревожным, настолько пугающим, что она с трудом заставила себя о нем рассказать.

Но сейчас она, напротив, лишь сдержанно улыбнулась:

– Этот новый сон. *Другой*, не тот... Он прогоняет кошма-

ры. Я будто могу призвать этот сон. Будто я могу призвать *его*. И он... – Она умолкла и тихо рассмеялась.

И он... защищал ее? Она ведь именно это хотела сказать?

Лично мне не слишком бы понравилась мысль, что со мной говорит дух мертвеца. А то, что это дух убитого Повелителя дэмов, понравилось бы мне еще меньше.

Я некоторое время размышляла об этом, крутя в пальцах прядь волос.

– Не думаю, что тебе стоит чего-то бояться с его стороны, – наконец сказала я. – Но в любом случае... – Я протянула руку к затылку и развязала узел на кожаном ремешке, на котором висела моя каменная бусина. Поскольку я постоянно носила ее под рубашкой, она нагрелась от моего тела. – Возьми ее в качестве защиты.

Вика осторожно приняла бусину из моих рук:

– Не знаю. Тебе не кажется, что она должна быть у тебя?

– Просто поверь мне. Просто не потеряй и прячь как следует. Хотя никто никогда не распознавал в ней магию, нужно быть осторожнее.

Честно говоря, я понятия не имела, что делала. Наверное, я была ничем не лучше знахаря-шарлатана, который продавал обычные безделушки, сопровождая их фантастическими историями об их свойствах. Но я видела немало людей, которые так крепко держались за эти вещи, в которых заключались их надежды и желания, что одна эта вера помогала им почувствовать себя лучше и справиться с проблемами свои-

ми силами.

Вика надела ремешок себе на шею:

– Я сберегу его. И спрошу Риана Циру, чего он от меня хочет и почему не отправляется к Лиаскай сейчас, когда уже мертв.

– Да. – Мой голос прозвучал хрипло из-за мысли о том, что он был дэмом – был их Повелителем – и поэтому вряд ли сможет рассчитывать на гостеприимство Матери Лиаскай. Что это может означать не только для него, но и для Аларика? Вечное бестелесное существование в снах живущих без надежды когда-то вернуться домой? Я шумно выдохнула: – Да, спроси его. Он может нам помочь. В худшем положении, чем нынешнее, мы вряд ли окажемся. Но лучше не говори об этом с Десмондом.

– И не собиралась.

– Хорошо. А сейчас пойдем, да?

Вика кивнула, но ее не порадовало, что я двинулась через внутренний двор в сторону замка.

– Лэйра, пожалуйста.

Оставшись позади меня, Вика заговорила, и внезапно ее голос прозвучал так звонко, что я обернулась и увидела ее растерянное лицо.

– Просто иди домой, Лэйра. Пожалуйста. Иди домой.

Глава 6

АЛАРИК

– Если мы заблудимся, – сказал Аларик сестре и тут же снова заметил ее насмешливую улыбку, – нас же будут искать? По меньшей мере, если мы не придем к ужину.

– Возможно. – Калейя сунула руку в хлебницу, вытащила и спрятала в карман еще кусочек выпечки. – Но нам уже восемь. Возможно, от нас уже начинают ожидать, что мы сами о себе позаботимся. У тебя есть нож? А кремни?

Аларик кивнул. Он не вынимал левую руку из кармана штанов, потому что его успокаивало, когда он мог провести пальцами по поверхности двух совершенно одинаковых камней.

– Чего же мы тогда ждем? – сестра взяла его за руку. Она была меньше и на целых десять килограммов легче, но без усилий протащила его по коридору, вверх и вниз по лестнице, мимо лаборатории алхимика Садвина, за работой которого ему так нравилось наблюдать, к конюшням, где уже стояли их пони, готовые к выезду. Аларик заранее накормил их, пока Калейя собирала припасы в дорогу.

Поездка, которую они планировали, была запрещена, и за

нее их накажут. Несмотря на это, они были неспособны отказаться от идеи, которая появилась у них за день до этого, когда странствующий торговец с запада рассказывал о фениксах, парящих высоко над вулканами.

Фениксы лишь изредка появлялись в этой местности. Брат и сестра еще никогда не видели их – разве что в клетке зверолова, взъерошенных и потрепанных, с потухшим огнем. Они непременно должны увидеть этих диких огненных птиц на свободе.

Так что они сели на своих пони и поехали вперед спокойно и невозмутимо, словно речь шла об обычной верховой прогулке.

В утреннем солнце тень замка становилась настолько вытянутой, что сопровождала их вплоть до первых холмов. Добравшись до ее конца, Аларик оглянулся. Владения его рода были так величественны. Может быть, эти башни видны отовсюду в Кеннохе?

Этот замок служил напоминанием. Напоминанием о том, что жители этой страны не всегда концентрировались только на самом необходимом. Когда-то у них всего было в изобилии, и они смогли создать этот гигантский шедевр. Нижние уровни замка издалика походили на гору – может быть, даже на вулкан. Грубые и бесформенные, при этом достаточно просторные, чтобы вместить сотни комнат, залов и переходов, широких, как улицы. А синее небо пронзали острые, словно копья, башни. Их связывали арки

различного размера, изогнутые, будто опрокинутые полу-
месяцы, и окрашенные в разные цвета. Тот, кто смотрел на
них с площади, невольно вздрагивал, потому что казалось,
будто строения раскачиваются в воздухе и со следующим
порывом ветра обрушатся вниз. Издалека они походили на
огромные чаши, готовые поймать все, что упадет с неба.
Возможно, дождь или снег. Материал, которым они были
покрыты, в лучах солнца пылал и светился, как огонь, так
что замок казался возвышенным и неземным. Он будто на-
поминал о славных временах, которые были так далеки и
так недостижимы, что никто даже не осмеливался о них
мечтать. Никто, кроме него самого и Калейи. Быть может,
эти небесные чаши собирают счастье, подумал Аларик, ко-
гда решил запечатлеть их на своем рисунке. Отец потом,
глядя на него, лишь покачал головой – ему казалось смеш-
ным, что сын проводит больше времени с карандашом и бу-
магой в руках, чем с кинжалом и мечом.

Он снова посмотрел на дорогу, которая вела вперед, из-
виваясь тонкой линией меж двух поросших травой холмов.

– Чего же мы ждем? – крикнул он Калейе через плечо. –
Если мы и дальше будем так тащиться, то доберемся до
равнины, когда все фениксы уже сгорят. – С этими слова-
ми он пустил пони в шумный галоп, обдав Калейю облаком
пыли.

Вслед ему донесся возмущенный крик, за которым тут
же последовал смех – Калейя тоже отпустила поводья.

– Хочешь обогнать меня? – крикнула она ему вслед. – Выиграть гонку? Хоть сто лет пытайся, у тебя не выйдет, Аларик.

Нет. За сто лет – едва ли.

А сегодня... сегодня он это сделал.

* * *

Плато семи вулканов явно не заслуживало своего названия, потому что высота его едва достигала тридцати метров. Однако эти тридцать метров нужно было карабкаться по скалам, потому что дороги не было, а единственную тропу засыпало во время извержения в прошлом году. Они оставили пони в небольшой роще и шли по тропе, пока это было возможно. Уже здесь подъем иногда становился настолько крутым, что им приходилось помогать себе руками, вцепляясь в корни, мох или камни. Последние десять метров пришлось карабкаться прямо по скалам. Достаточно было сделать одно неверное движение, промахнуться, пытаясь за что-то ухватиться, или опереться на уступ, который не выдержит твой вес, чтобы неизбежно свалиться вниз. Несмотря на это, Калейя лишь закатила глаза, когда Аларик спросил, не стоит ли им связаться веревкой. Так что он стискивал зубы и не смотрел вниз – только вверх.

– Здесь ты меня не догонишь! – крикнула ему сестра. Она

взбиралась по скале в нескольких метрах рядом с ним, и Аларик тут же заметил, что ей подъем дается проще, чем ему. В ней еще кипела злоба из-за того, что он обогнал ее в скачках на пони, поэтому он просто ответил:

— Не веришь? Тогда я вместо тебя поверю! — и полез быстрее.

Мовлэ прилипало к вымокшей от пота спине, когда он наконец следом за сестрой перевалился через верхний край и поднялся на ноги.

Вид был потрясающий. Он тут же понял, почему Калейя никак не прокомментировала свою победу. Она потеряла дар речи. Даже она!

Его сестра с огненными волосами и ледяными глазами, прекраснейшее и умнейшее дитя Кеппоха, девочка, у которой на все был ответ, не могла вымолвить ни слова.

Сердце Аларика забилось так быстро и гулко, как еще никогда в жизни. Но чувством, которое текло в его жилах и разогревало кровь, был не страх. Это чувство было намного больше страха. Оно было похоже на глубокую благодарность, смешанную с гордостью и безграничным восхищением. То, что он видел, было слишком необычным, чтобы подобрать для этого слова.

Большинство из семи вулканов на плато были спокойными и тихими, в кратеры которых смелые заглядывали, чтобы обрести силу и мудрость, а иногда еще и понять, как справиться с бедами. Только один из них, самый маленький,

время от времени извергался, изливая новые потоки лавы. Еще два большую часть времени лениво курились, как курят мудрые старики, время от времени выкашливая облака пепла, которые поднимались вверх, набирали вес и долетали до кеппоханского двора. Но сегодня Аларик не довелось понаблюдать за вулканами, хотя обычно он мог разглядывать их часами. Сегодня его взгляд приковало то, что происходило между ними.

Они спускались с неба. Некоторые люди утверждали, что фениксы теряют сознание из-за жары, поднимающейся от вулкана, и падают в кратер, но теперь Аларик видел, что это неправда. И такая же неправда, что фениксы немые. Они то и дело издавали крики, и в какой-то момент ему показалось, что он понимает их смысл.

Огромные птицы кружили вокруг вулкана, всматривались вниз, вбирая мельчайшие детали своими золотисто-алыми глазами, в точности рассчитывая свою траекторию и затем с радостным криком врезаясь в лаву. Их разноцветное оперение загоралось, и вулканы вышвыривали горящих фениксов на землю, где они, приземлившись, начинали свой необычный предсмертный танец. Они двигались кругами, крутились, вращаясь все быстрее и быстрее вокруг своей оси, широко расправив пылающие крылья, запрокинув голову к небу. Их крики казались одновременно полными боли и исцеляющими, словно птицы уже в предсмертной агонии радостно приветствовали свою следующую жизнь. Как будто

им был известен смысл — причина, по которой они живут. Этот великий вопрос, который люди вечно ставили перед собой, о котором спорили, над которым бились; казалось, фениксы знали на него ответ.

Они безумно кружились в кольце жара и света, разбрасывая искры, все быстрее и быстрее. Потом два феникса полетели слишком близко друг к другу и столкнулись, превратившись в огромный огненный волчок. Один из них был настолько могуч, что это проявлялось в его окраске. Изнутри он сверкал раскаленно-белым, затем засиял лучащимся синим, который, наконец, сменился огненно-красным, переходящим через оранжевый в желтый. Огонь феникса был таким мощным, что он мог бы спалить целый дом в считанные секунды.

— Калейя? — Аларику не хотелось нарушать молчание, но огромный пылающий феникс двигался прямо на нее. А Калейя смотрела на это зрелище, не делая никаких попыток убраться с его пути. — Калейя. Нам пора уходить. Гул и шипение пламени вместе с жалобными вскриками фениксов почти заглушали его голос. — Это огонь феникса, Калейя! Он тебе не покорится.

Калейя никак не отреагировала. Она его вообще услышала?

Тогда он сделал шаг вперед и расставил руки, словно призывая огонь феникса к себе.

Во рту у Аларика пересохло. Страх за сестру превратил-

ся в чистую панику, от которой гулко колотилось сердце. Ему почудилось, что теплые язычки пламени, вспыхнувшие на его коже, уже сожгли его мысли, казавшиеся ему слишком медленными. Его руки были быстрее. Еще не поняв, что делает, он уже снял веревку с пояса и побежал к пропасти. Там, где Калейя взбиралась на плато, был уступ, к которому он поспешно прикрепил веревку. Он делает все слишком медленно – почему же так дрожат пальцы?

Он побежал обратно к Калейе, которой пришлось зажмурить глаза – так близко уже оказался извергающий искры пылающий феникс. Она встречала пламя смехом, и он даже не стал пытаться уговорить ее бежать. Она вообще не восприняла бы его слова.

Он грубо оттолкнул ее назад, бросил в пыль и навалился сверху. Пока она еще боролась, барахтаясь в его захвате, а первые искры падали на них, он обвязал себя концом веревки. Завязал узел, изо всех сил уцепился за веревку и перекатился по земле, не отпуская Калейю. Они перевалились через край.

У них обоих перехватило дыхание, когда веревка резко и болезненно притормозила их падение и они ударились коленями и локтями об иззубренные скалы. В тот же момент огненный феникс с шипением и гулом обрушился в пропасть. Бело-синие и светящиеся красным клочья пламени затрепачали внизу. Аларик прижал голову Калейи к своей груди и зарылся лицом в ее огненные волосы, выжидая, чтобы буря отступила, а все искры на его обнаженных руках потухли.

Сестра вздрогнула, прижимаясь к его груди, и сначала он хотел успокоить и утешить ее. Но он тут же понял, что она не плачет.

Калейя смеялась:

– Ты видел это, Аларик? – Капля крови сбежала из маленькой ранки у нее над носом к уголку рта. – Аларик!

Пальцами ног он нащупывал место, на которое можно было бы опереться. Его пальцы горели, а руки дрожали. Он не сможет долго удерживаться на этой веревке.

– Ты видел? Видел?

Он нашел уступ, на котором чувствовал себя хоть сколько-нибудь безопасно. Первое, с чем ему пришлось бороться, были слезы. Затем пришел гнев, могучий, как шквал.

– Что с тобой не так, Калейя? Ты могла погибнуть!

– Да! – Она широко улыбнулась ему. На коже виднелись мелкие ожоги, пахло палеными волосами. – Могла. Но не погибла. И разве ты не видел, как это прекрасно? Ты хоть раз в своей жизни видел что-то настолько прекрасное?

Ему захотелось встряхнуть ее. Ударить ее в лицо. Бить ее, пока она не поймет, как близко они разминутись со смертью. Но он проследил взглядом за пылающим фениксом, который, крутясь, летел над редким лесом, оставляя за собой мелкие очаги возгораний, все сильнее замедляясь и теряя цвет. Скоро феникс потухнет. Но он его увидел. Во всей его силе.

Неважно, насколько он был сердит и насколько быстро

кровь текла в его теле – в присутствии этого явления Аларик не мог соврать.

– Нет. Еще никогда.

Калейя запрокинула голову и закрыла глаза:

– Я тоже. И больше мы никогда этого не увидим. Никогда, Аларик.

* * *

Аларик ненавидел сны, которые так глубоко погружали его в прежнюю жизнь. В жизнь, которой больше не существовало, которая, возможно, никогда не была такой, какой он видел ее в своей детской наивности. Но еще сильнее он ненавидел, когда что-то пробуждало его от этих воспоминаний, которые он так презирал и одновременно так любил.

Это было слишком болезненно – признаваться себе в том, что все это нереально. Что Калейя – больше не его непокорная сестра, а предательница, которая продала его. Что Садвин, которого он тогда, ребенком, называл своим другом, был магом одного из кланов, магом-кузнецом, создавшим оковы, удерживавшие его сейчас.

Только магические оковы могли поработить Повелителя дэмов, и только маг-кузнец был способен их изготовить. Когда-то Аларик не подозревал, что Садвин – один из них. Никто ничего ему не говорил. Потому что вся магия кланов принадлежала королеве, и присутствие Садвина в замке кеп-

поханского князя нарушало закон. Но сегодня Аларик все отчетливо понимал.

В магии, сковавшей Аларика, светилась душа Садвина. Аларик узнавал ее настолько четко, что ему казалось, будто старый друг своими руками приковал его к этой стене.

Но что же пробудило его от видений прошлого? Нет, не желанный дождь. Солнце словно прожигало его кожу. Даже с закрытыми глазами ему приходилось отворачиваться, насколько позволяли оковы, потому что свет был слишком ярким. Он не знал, что именно произошло во время превращения с его глазами, и не хотел выяснять. Его зрение стало лучше – теперь он мог видеть в темноте. Но его глаза стали чувствительнее.

Он с усилием ощупал подошвами карниз и перенес вес на ноги, что тут же отдалось болью в плечах. Все онемело, потому что он уже слишком долго висел в цепях. Теперь обжигающая боль пожирала его, переходя от плеч в затылок, руки и спину, и он невольно застонал. Но тут же заставил себя замолчать. Привлекать к себе внимание людей – не слишком хорошая идея. То, что они кидались в него разными предметами, можно было пережить. Хуже были слова, которые они выкрикивали. Имена тех, в чьих смертях его обвиняли.

Никого из них он даже не видел. Он не был виноват в смерти этих людей.

Но невиновным он вовсе не был. Он убивал. Не спрашивая о причине, не ища смысла. Ради Калейи.

Многие годы ему удавалось убеждать себя, что у него нет выбора. Но он просто врал себе, перекладывая свою боль на других, словно это что-то меняло. Словно он все еще был принцем Кеппоха, которого Калейя уничтожила, когда ему было двенадцать лет. С тех пор она использовала его, превращая в того, кто был для нее полезен.

Это справедливо, что он был выставлен на поругание, чтобы другие люди могли сорвать на нем гнев и жажду мести. Возможно, только поэтому он еще был способен выносить их ненависть.

Но в этот момент никто не кричал и ничто не летело в его голову, ни острые камни, ни гнилая репа. Что-то другое зывало к Аларику. Что-то, что было еще хуже, еще горше, еще глубже.

Уходи.

Он не произнес этого вслух. Губы треснули при первой же попытке заговорить. Слишком долго без воды.

Было невыносимо знать, что Лэйра стоит там, раздавленная чувством вины, болью и состраданием.

Уходи.

Но также невыносимо было *не смотреть* на нее, когда она была там. Потому что ее вид снова укреплял ту умирающую часть его, которой оставалось надеяться лишь на милосердное безумие и давал ему силы не сломаться.

Уходи.

Он хотел стиснуть веки, не позволяя себе ни одного взгля-

да, но тело уже давно не слушалось его. Глаза заслезились, как только он чуть-чуть приоткрыл их. Яркий свет обжигал, пылал, пронзал ему голову. И все же это было в каком-то смысле мучительным облегчением – видеть сквозь пелену крови и слез, что она пришла. Что она была здесь. Что она его не забыла.

Лэйра.

Пока она приходит, Калейя разрушила не все.

Глава 7

ЛЭЙРА

Теперь я поняла.

Поняла, почему Вика уговаривала меня не ходить в замок. Почему Кадиз бросал на меня подавленные взгляды. Почему Десмонд был так нетерпелив, что для него вообще нехарактерно, и почему в конце нашей встречи он заставил меня пообещать:

– Не совершай необдуманных поступков, Лэйра. Все зависит от тебя. Ты нужна нам.

С этими словами он прижал меня к себе, словно внезапно налетевшая буря грозила унести меня прочь.

Вика взяла меня за руку, когда я медленно подошла ближе, чтобы рассмотреть, – хотя какая-то часть предпочла бы отвести взгляд.

В моей голове бешено вертелись обрывки мыслей, проклятий, вопросов и ругательств. Отчетливой оставалась только одна мысль.

Аларик. Аларик. Аларик.

Они обнаружили крылья.

Еще раньше я заметила, что на его спине постепенно про-

являются крылья – у Риана Циры они тоже были. В сложенном виде они были почти незаметны, и я возлагала все надежды на то, что Аларику удалось скрыть продолжающиеся изменения тела. Но у него не получилось.

Они расправили крылья во всю ширь, и оказалось, что их размах – почти четыре метра. О том, какую боль ему причинили, можно было догадаться по множеству переломов тончайших костей. Некоторые из хрупких суставов были раздроблены. Мелкая сетка пурпурных сосудов была видна издалека на фоне тонкой серой кожи. Мой желудок сжался, став маленьким, жестким и холодным, когда я увидела два острых кола толщиной с кулак, которые удерживали крылья Аларика. Их просто вонзили в тонкую кожу. Кровь, стекавшая вниз, засохла, превратившись в коросту.

До этого момента казалось, что Аларик без сознания, но теперь он осторожно нащупал ногами опору и поднял голову, которая до этого безвольно висела.

– Когда? – выдавила я. – Когда они это сделали?

Только сейчас я заметила, что Вика положила руку мне на плечи. Она осторожно коснулась моих пальцев, которыми я невольно, скорчившись от боли в сердце, вцепилась в грудь.

– Соберись, Лэйра.

Она была права – я должна стоять прямо. Никто не должен догадаться, что происходит у меня внутри.

Впрочем, никто не обращал внимания на меня или на Вика. Или на Аларика. У прилавков покупали овощи и кор-

неплоды, торговались за козье мясо и за маринованную в уксусе и соли рыбу. Время от времени люди смеялись или оглядывались на своих детей, которые носились по рыночной площади. Они были довольны, эти люди, потому что были в безопасности и под защитой — они и их любимые. И это было единственное, что имело для них значение.

Могла ли я их в этом упрекнуть?

Я ведь ничем от них не отличалась.

— Несколько дней назад. И я не буду ничего об этом рассказывать. — Вика сглотнула, сдерживая отвращение, и этого было более, чем достаточно. — Пусть он сам это сделает, когда...

— О северный мюр! — вырвалось у меня, когда я поняла, что мне будет недостаточно освободить его от магических оков, которые сковывали его руки. Нужно будет как-то вытащить эти колья. Их передние концы были загнуты. Мне нужно будет сделать их мягкими и податливыми с помощью магии, и я понятия не имела, получится ли у меня. Ведь я даже не знала, из чего они сделаны. Я смогу понять это только в тот момент, когда коснусь их.

— Соберись, — снова подбодрила меня Вика и больно ткнула кулаком.

Я была ей благодарна. Она была права. Мне нельзя впадать в отчаяние. И сейчас, когда Аларик медленно, словно преодолевая сопротивление, открыл глаза, я не хотела выглядеть жалким ничтожеством.

Кандалы на обеих руках. Два кола, выступающие над карнизом, до которых я вообще могу не добраться. И совсем немного времени.

Я справлюсь. Каким-то образом я это сделаю, убеждала себя. Я должна быть сильной – для него. Я была для него единственной надеждой.

Взгляд Аларика метнулся над площадью. Потом он посмотрел на меня, и в этот момент я поверила.

Мы справимся.

Я хотела навсегда запомнить, что его глаза были синими. Но теперь они полностью потемнели, став черными или антрацитовыми, без малейшего проблеска белого. Они блестели от слез всегда, когда он их открывал. В остальном он почти не изменился. Его лицо стало шире, скулы острее, а нос – немного длиннее. Несмотря на похождение на шипы костяные наросты у него на лбу, свалявшиеся волосы, грязь и запекшуюся кровь, он по-прежнему был красив. Почему все они этого не видят?

– Все это кончится, – прошептала я, и он, словно услышав меня, изогнул рот в горькой улыбке.

– Пойдем, – попросила Вика, но я не могла послушаться.

Я смотрела вверх, на него, а он смотрел вниз, на меня, своими блестящими черными глазами. Что-то обжигало мне язык, словно острые пряности или жар, и я лишь спустя несколько долгих, лишенных каких-либо мыслей мгновений поняла, что это была магия. Его магия. На вкус она была

как дым и железо, когда его разогревают настолько сильно, что оно плавится. Она гладила меня по коже, одновременно холодная и горячая, обвивалась вокруг моего горла, словно чья-то рука.

Голоса людей притихли, когда первые из них подняли взгляды на Аларика. Они переговаривались вполголоса, что-то тревожно шепча друг другу. Матери подзывали детей к себе, а старухи уходили с площади, нервно оглядываясь, будто ожидая, что замок рухнет и погребет нас всех под собой.

Магия – не только я ощутила ее. Она была такой сильной, что даже простые немийцы почувствовали напряжение в воздухе.

Я не могла освободиться от взгляда Аларика, и мое сердце внезапно забилось быстрее от испуга.

Что, если мы опоздали?

Что, если Аларик сломался и в нем осталась лишь сущность Повелителя дэмов? Ненависть, магия и темные желания?

– Тогда я тебя найду, – прошептала я, почувствовав, как Вика встряхнула меня. – Где-нибудь я найду тебя снова.

– Лэйра. – Вика притянула меня к себе и отвесила пощечину. – Прекрати! Что бы ты ни делала – перестань! Пусть он перестанет так на тебя смотреть.

Я огляделась по сторонам, но никто не обращал на меня внимания. Они замечали лишь его темный взгляд. Они не могли понять, на что или кого именно он направлен.

Вика не отставала:

– Они позовут гвардейцев, если он не прекратит. Они причинят ему боль, Лэйра, – ты этого хочешь?

Наконец я смогла освободиться от его магии и отвернуться.

– Ты права, – сказала я, тяжело дыша. – Нужно уходить.

Я не оглядывалась. Слишком отчетливо я ощущала затылком его взгляд.

Глава 8

ЛЭЙРА

В День солнечного поцелуя я проснулась задолго до рассвета. У меня пересохло во рту, ноги и руки замерзли, а кончики пальцев онемели.

Это волнение, сказала я себе. *Просто нервничаю. Вот и все.*

На то, чтобы поджечь свечу лучиной, мне понадобилось десяток попыток. Я отправилась на кухню, попыталась налить себе стакан воды из большого кувшина и едва смогла его поднять. *Проклятье.*

– Луилэйра? – крикнула мама из спальной каморки. – Что случилось, дорогая?

Я торопливо потерла ладони друг о друга, чтобы вернуть им чувствительность.

Не сейчас. Не сейчас. Только не сейчас.

Я всегда боялась этого, всегда следила. Но это не могло быть правдой. Не сейчас.

– Лэйра?

– Все в порядке, мама. Я...

Но она уже поднялась с кровати, выглянула из своей ка-

морки, сторбленная, опираясь на палку, и посмотрела прямо на мои руки, которые я по-прежнему растирала и прижимала к себе. Ее лицо тут же побледнело – это было заметно даже в теплом свете свечи. Она застыла, открыв рот. Палка царапала пол, потому что от волнения она едва удерживала ее в руках.

– Этого не может быть... Лэйра. Скажи, что это не...

Я рассмеялась, слишком громко и слишком нервно:

– Конечно, нет, мама. У меня просто... онемели руки.

Иногда случается. Не переживай.

Но она мне не поверила. Ни единому слову. Маленькими, трудными шажками она добралась до меня и сначала коснулась лба, а затем тыльной стороны ладоней.

– У тебя жар, дорогая.

– Чушь. Просто голова нагрелась. Сейчас пройдет.

– А руки онемели.

– Ничего такого.

Мама тяжело опустилась на единственный стул, стоявший у кухонного стола, – на второй не хватало места. Ее палка упала на землю. Целую вечность она не произносила ни слова, а просто прижимала кулаки к векам, и мне показалось, будто все ее силы уходят просто на то, чтобы дышать.

– Это *увядание*, Лэйра, – выдавила она затем и уронила руки на стол. – Так оно и начинается, и ты это знаешь.

У мамы оно так и началось. А до того у ее матери. И, вероятно...

– Но может быть, это ничего не значит.

– Может быть, это значит *все*, Лэйра! – К моему ужасу, она почти кричала, словно я совершила ужасную ошибку. Но я ничего не сделала! Если *увядание* и правда передалось по наследству, это не моя вина.

– Слушай меня. Слушай! – Ее глаза, когда-то зелено-карие, давно стали бледными и водянистыми, почти бесцветными. Она пристально смотрела на меня. – Какое-то время это можно скрывать. И ты это сделаешь. Десмонд не должен ничего узнать до свадьбы.

Я не сразу осознала, что она хотела мне сказать.

– Десмонд не отменит свадьбу из-за моей болезни. Если это вообще болезнь.

– Как ты можешь быть такой наивной? – тихо спросила она. В ее голосе звучали нежность и снисходительность, но в то же время упрек. – Ты же сама знаешь, что это для тебя означает. И он тоже знает. Она передается, Луилэйра, и если тебе не ясно...

Я покачала головой. Как объяснить ей, что Десмонд не волнуется о наследнике? Что у нас есть собственные планы насчет этой свадьбы? Мне пришлось бы рассказать ей слишком много – слишком много того, чего никто не должен знать о Десмонде. Даже она.

– Нет, мама, я все понимаю. Разумеется. Я ничего ему не скажу. – Уж точно не сегодня. – Не переживай.

Что за смешная фраза. Как она может не переживать? Она

попыталась собраться, уж это она хорошо умела, она всю жизнь училась этому – не давать никому заглянуть за свой фасад. И она сделала это сейчас – безликая стена отгородила ее от меня. Теперь я не могла понять, какие мысли и чувства вызывает у нее то, что я унаследовала увядание. Я понятия не имела, что происходит за этой стеной. А теперь мне пора было уходить, если я хотела добраться до замка вовремя, так что у меня уже не было возможности, чтобы попытаться за нее заглянуть или подождать, пока стена станет проницаемой с той или другой стороны, чтобы я сумела хоть чуть-чуть увидеть, уловить страх матери и чувство вины. Ее тревогу за меня. Мне так хотелось утешить ее и себя. Но мне нужно было уходить. Потому что сегодня – наш единственный шанс спасти Аларика.

– Давай не будем думать о плохом, – попросила я и взяла ее руки в свои. Я с усилием улыбнулась: – Смотри. Уже проходит. Может, я просто неудачно легла. Или я волнуюсь из-за сегодняшнего праздника. Я почти не спала, так сильно переживаю.

И она понятия не имела, что речь вовсе не о том, как я впервые буду танцевать с Десмондом перед взором моего отца.

Потому что сегодня в замке эс-Ретнея вообще никто не будет танцевать.

Пока я шла пешком к замку, меня не отпускало беспокойство, что это действительно может быть проявление *увядания*, и из-за этого ноги становились тяжелыми, а дышать было трудно. Мать считала, что болезнь всегда нависала над мной, словно туча. Для нее было лишь вопросом времени, когда дождь из этой тучи обрушится на меня. Никто не думал, что *увядание* передается по наследству. То, что оно проявилось у моих мамы и бабушки, я считала случайным. Но обычно болезнь приходила уже в старости. Должно быть какое-то объяснение. Другое, не то, которое нашла для себя мама. Она считала, что болезнь настигла ее из-за предательства истинной любви, когда она приняла решение выйти за моего отца и стать княгиней.

Теперь такую же ошибку предстояло совершить и мне. Я любила Десмонда, но не так, как следует любить будущего мужа. Но не может же быть, чтобы именно поэтому ветра этой жуткой болезни подули на меня. Это не было проступком, требующим наказания. В конце концов, я делала это не ради себя.

Я не пришла ни к какому выводу, за исключением расплывчатой идеи, что это как-то может быть связано с наследственностью. С моей прародительницей, которая когда-то создала Царство дэмов. И с ее магией, которая текла в моих

жилах.

Что, если мама тоже ощущала магию? С тех пор, как я себя помню, она учила меня, как прятать, подавлять и скрывать ее. Мне никогда даже не приходило в голову, что она может быть такой же, как я. Что, если *увядание* было наказанием за нашу магию? Попытка ветров положить конец нашему злосчастному роду и уничтожить колдовство?

Мне следовало бы поговорить об этом с ней. Поговорить очень осторожно, чтобы прощупать, какую часть истины она готова услышать. Возможно, сегодня вечером, если она к тому моменту не будет слишком уставшей.

Внутренне я истерически рассмеялась, задыхаясь от напряжения, которого требовал подъем по склону Воляриана.

Разумеется, если я сегодня вечером буду еще жива.

* * *

Вика уже с нетерпением поджидала меня у подъемного моста, по которому десятки, если не сотни, перемазанных грязью людей спешили в направлении рыночной площади. На подруге было праздничное платье – небесно-голубое, похожее на прекрасный сон, но для нее, наверное, представляющее настоящий кошмар. В складках юбки скрывался кинжал, который она тщательно спрятала, прикрепив к бедру с помощью ремня.

– Лэйра, уже почти полдень. Праздник вот-вот начнется.

Ты могла бы немного поторопиться.

Я вышла до восхода солнца. То, что я шла настолько медленнее, чем обычно, меня не порадовало, но я не могла ей объяснить, не встревожив ее – а сейчас это было ни к чему.

– И что за вид?

Она посмотрела на мое покрытое потом лицо и встрепанные волосы и понизила голос:

– Тебе стоило бы быть незаметнее. Идем.

У нас уже не было времени, чтобы добежать до таверны, где я могла бы спокойно переодеться и привести себя в порядок. Вика потащила меня в сторону, под прикрытие воза, доверху загруженного тюками сена, и я расстегнула рубашку и штаны, без промедления сбросив их. Вика тут же подхватила рубашку, не дав ей упасть на грязную землю, намочила ее водой из фляги и смыла пыль с моего лица и пот с подмышек.

Нас заметила группа мужчин, кто-то, проходя мимо, выкрикнул что-то непристойное, но мы едва обратили на них внимание.

Вика вытащила из своей сумки платье, которое она припасла для меня. Когда я увидела его, меня пробрала дрожь. Платье было на ней в ту ночь, когда на Десмонда пало проклятье. Я весь вечер не могла отвести от нее взгляд, так красива она была в нем. Оно было цвета солнца – лучше я его не могу описать. Гладкая, воздушная ткань переливалась белым, желтым, золотым и оранжевым, в зависимости от то-

го, как на нее падал свет. Мне даже показалось, что я почувствую магию, коснувшись его и проведя руками по складкам. Но магии не было.

– Быстрей, переодевайся.

Пока я застегивала пуговицы у декольте и расправляла юбку, Вика уже расчесывала мне волосы.

– Оставим их непокрытыми, – решила она. Свои она заплела так, чтобы косы частично прикрывали лицо. Пудра и румяна скрывали шрамы, насколько это было возможно. – Твой цвет волос идеально подходит к платью. Тебе оно идет намного лучше, чем мне. Жаль только, что коротковато.

Да, я была выше ростом, чем Вика, и поэтому платье не скрывало мои изношенные кожаные сапоги. Но уже было ничего не исправить, к тому же тут и так все знали о моей бедности. Кроме того, в них я смогу бегать, пусть даже мне казалось, будто ступни изранены и покрыты мозолями. К сожалению, в отличие от онемевших поутру пальцев, это я не могла объяснить волнением. Что же со мной происходит?

– Все в порядке? – спросила Вика. Она подумала даже о горшочке с пудрой, и теперь проходилась кистью по моему лицу. – Лэйра, я тоже нервничаю. Но мы не одни. Мы справимся. Вместе.

Я ощутила укол совести. За утро я ни разу не подумала о том, что подвергаю ужасному риску не только себя, но и Вика, Десмонда и Кадиза. Только сейчас, когда подруга с веткой в руке подошла ко мне и отметила, что мне нужны еще

украшения, я заметила, что под ее глазами лежат темные тени.

– Что это? – озадаченно спросила я. – Дождевой выюнок?

Вика кивнула, смочила листья водой, а затем добавила блестящей пудры из второго горшочка, чтобы зелень стала отливать золотом. С помощью заколок она закрепила ветку в моих распущенных волосах так, что она стала похожа на обруч. Или корону...

– Помнишь, – тихо спросила она, – как ты однажды ребенком чуть не умерла от лихорадки? Мама делала для тебя сок из цветков выюнка, и ты выздоровела.

Я помнила это совсем смутно, а о растении знала слишком мало. В сущности, лишь то, что оно цветет только раз в несколько лет в течение нескольких часов и обычно ночью. То, что мама исцелила меня с его помощью, я совсем забыла. А Вика нет.

– Возможно, ты еще жива благодаря ему, этому простому растению, которое встречается повсюду и которое при этом никто не знает, как использовать. Это напоминает мне магию. А тебе?

– Спасибо, Вика, – прошептала я. – За твою смелость.

– Тебе вовсе не нужна моя. Тебе хватает своей. И до этого момента всегда хватало, и сегодня ее будет достаточно. Ты справишься!

– Обязательно, – прошептала я. – Так и будет. У нас хороший план. Он сработает. – Если только у меня получится

подчинить магию.

Вика улыбнулась, но улыбка получилась натянутой, и я поняла, что это еще не все. Проклятье. За всей этой тревогой из-за нашего плана, из-за Аларика, а теперь еще из-за отвратительного подозрения, что я могу заболеть, я совершенно забыла о беспокойстве подруги в последние дни.

– Тебе опять приснился один из этих снов? – спросила я.

Прикусив нижнюю губу, Вика кивнула:

– Да. Я расскажу тебе позже, у нас мало времени. Но вот что: сегодня ночью кое-что изменилось.

– Что же?

Я понимала, что нам придется уложить весь этот разговор в несколько мгновений. Мы торопливо собрали наши вещи, и Вика запихнула все в свою сумку. Она покраснела? Что с ней вдруг случилось?

– Риан, – выдохнула она, словно это объясняло все.

Риан. Сама я всегда мысленно именовала его полностью – Риан Цира. Как будто он был слишком недосыгаем, чтобы ограничиваться лишь именем.

Мы бежали по широкой улице, заполненной людьми. Большинство из них спешили в замок, некоторые шли оттуда. Нам попадались на глаза и первые рабочие, которые собирались небольшими группами. То, что они нервничают, я замечала только из-за своей осведомленности об их планах. Надеюсь, для них все кончится хорошо.

Метров через сто мы нырнули на узкую боковую улочку

– короткий путь, который вел наверх. Между стенами было прохладнее, но меня все равно снова прошиб пот.

– Почти каждую ночь я вижу его во сне, – произнесла Вика. – И обычно это... не кошмары. – Ее короткий взгляд пробудил во мне желание задать вопрос и одновременно запретил это делать. Я не ошиблась. Ее щеки покраснели – и в ее случае дело было не в том, что подъем по лестнице ее утомил. Блеск ее глаз тоже выдавал, что речь о чем-то другом. – Но сегодня ночью...

– Что? – выдохнула я у нее за спиной. Мы уже почти добрались до переднего двора замка.

– Все было так смутно, Лэйра. Сон был без слов, без изображений. Он состоял лишь из ощущений, и, наверное, я все просто придумываю.

– Расскажи, – охнула я.

– Мне показалось, что Риан хочет меня предупредить. Он был так настойчив, что я от испуга проснулась и больше не могла уснуть. При этом я не знаю о чем. Но что-то случилось. Или вот-вот случится. Понимаешь, Лэйра? Я больше не знаю, что за опасность нависает над нами. Это может быть что угодно. Может быть, даже мой собственный страх.

Я догнала Вику только потому, что она остановилась, и взяла ее за руку. Мне хотелось пообещать ей так много, но исполнить я могла так мало.

– Но сейчас это не важно, – сказала Вика. – У нас больше нет времени на тревожные мысли и путанные сны.

Верно. Времени у нас не было.

Узкая улочка вывела нас наружу, и перед нами раскинулась рыночная площадь. Там, где обычно повозки и прилавки теснились так близко друг к другу, что людям приходилось протискиваться между ними, сегодня все убрали, чтобы освободить немного места. На простом деревянном помосте слева от главного крыльца было еще несколько мест для так называемых высокопоставленных гостей. Как нелепо, что мне положено сидеть там. Отец и верховный министр, конечно, будут стоять на балконе папиного рабочего кабинета.

Я заставила себя не смотреть в ту сторону, потому что тогда я бы увидела и Аларика. Я слишком хорошо помнила, как он отреагировал на это в прошлый раз. А сегодня нам определенно нужно было не привлекать внимания. Весь план строился на том, что все будут смотреть в другую сторону – не на Аларика. Но когда я увидела, как много людей собираются в переднем дворе замка, эта идея показалась мне почти безнадежной.

Я бросила лишь один короткий взгляд вверх на стены замка, которые темным пятном выделялись на фоне светлых скалистых склонов Волариана, защищавшего замок сзади. В положении Аларика ничего не изменилось. Он опирался ногами о карниз, а значит, бодрствовал и был в сознании. Смотреть на крылья я себе запретила. Мысль о том, что нужно будет их освободить, изводила меня.

Я снова быстро опустила взгляд, надеясь, что Аларик меня не заметил. Еще слишком рано.

Вика остановилась так резко, что я, погруженная в мысли, налетела на нее.

– Я кое-что забыла, – сказала она, сунула руку в маленький мешочек на поясе, висевший рядом с флягой, а потом протянула мне сжатый кулак. Я раскрыла ладонь, и меня охватило странное облегчение, когда в руку скользнула каменная бусина на свернутом кожаном ремешке. Вика прикрыла мою ладонь. Мне показалось, будто мысли проясняются. Будто мне снова стало хватать воздуха, а сердце забилось ровнее. Я ощутила легкое и приятное покалывание, будто онемение пальцев, которое я ощущала до сих пор, теперь отступает. Даже ноги казались уже не такими тяжелыми и усталыми.

– Лэйра? – Только благодаря озадаченному вопросу Вики я осознала, что смотрю сквозь нее. Чтобы объяснить ей, что я сейчас почувствовала, мне пришлось бы рассказать о признаках *увядания*. Но я не хотела ее пугать. Так что я лишь быстро покачала головой. Я позже поломаю голову над идеей, которая промелькнула у меня сейчас.

Это ведь полная чушь! Но я и правда это почувствовала. Моя волшебная каменная бусина, наследство прародительницы, избавила меня от всех признаков ужасной болезни в одно мгновение.

Что, если увядание наказывало нас не за то, что мы ощу-

щали магию?

Что, если оно приходило, когда мы от нее отрекались?

Глава 9

АЛАРИК

– Время пришло.

Аларик лишился разума. Он сошел с ума, но, несмотря на все его надежды, не стал меньше чувствовать, меньше страдать или меньше ощущать круговорот мучительных переживаний в своем сознании.

К ним просто добавилась новая мысль. Древняя и могущественная, которая не спрашивала о разных вариантах, а сообщала неизбежный факт.

Время пришло. Но какое время? Чье время? Его?

– Дэмы, – произнес голос, который, казалось, раздавался прямо у него в груди, – больше не могут ждать. Кто поведет их вперед, принц из Кеппоха? Я говорю тебе: гнев поведет их вперед. Теперь они обратятся против людей. Сможешь ли ты их за это упрекнуть?

Что бы ни говорило в нем, от этого голоса стискивало грудь и затуманивался разум.

– Без оков, – промурлыкал голос. – Что за чудесная идея, не так ли? Народ дэмов. Без оков. Кто поведет их вперед, Аларик? Кто поведет их вперед?

Аларика охватила ярость.

Кто бы ни обращался к нему, он явно насмехался. Потому что это *он* должен был вести дэмов. И не важно, что он этого вовсе не хотел – он принял эту обязанность. Это была его задача.

А теперь он висел здесь в качестве доказательства вечно-го превосходства Калейи... Гнев неожиданно охватил его, пронзил прямо в сердце, превратив пульс в обжигающее биение. Удар за ударом это иссохшее сердце набирало силу, и все больше и больше ярость проникала в каждый уголок тела Аларика.

Он открыл глаза. Все небо затянули хмурые тучи, которые почти нависли над ним, так что свет становился терпимым.

А вот толпа перед замком была невыносима. От них будто воняло презрением. Ненавидящие взгляды, унижительные слова.

Гнев прошептал: *«Что, если все они погибнут? Все и каждый?»*

Однако потом он увидел Лэйру – как она пробивается через толпу, уворачиваясь от наглецов и то и дело распахивая их локтями. На ней было платье с открытыми плечами, платье цвета солнца. Ее волосы были распущены и украшены золотым венком. Нереальное сияние исходило от ее волос и кожи. Она напомнила ему создание, о котором слагали легенды у него на родине. Чувство, не имеющее ничего общего с унижением и презрением, разрасталось у него в груди,

занимая все место и лишая Аларика последнего, что у него еще осталось. Чувств. Дыхания. Надежды.

Потому что она больше не удостаивала его взглядом.

Теперь он понял. Ее серьезное лицо в последний раз. То, как она сдерживала слезы. Беззвучные слова, которые он безуспешно пытался прочесть по ее губам.

Это было прощание. Так она расставалась с ним, а он ничего не понял.

А теперь он видел ее. Видел Лэйру.

Видел ее в этом платье. В свадебном платье.

Видел ее с этим похожим на корону украшением. Знаком того, что она возвращалась ко двору.

Видел, как она спешит к своему возлюбленному и падает ему в объятия.

Видел толпу людей ее глазами. Они шли на свадьбу. Вот почему они пришли.

Лэйра выйдет за Десмонда. Она никогда этого не скрывала. Она никогда не обещала ему ничего иного.

Почему же это теперь отнимает у него дыхание, чувства, надежду?

Все, что ему оставалось, – чуждый холодный гнев, который собирался, копился, стягивался к нему, сжимал и распирал его изнутри, вызвал к нему, убеждая, что ему нельзя больше оставаться здесь. Пора разорвать эти цепи.

Он был таким всеохватным, этот гнев.

Пламя этой ярости шептало и манило, заклиняло его хо-

лодными, как лед, проклятиями.

– Это кончится ужасно, принц из Кеппоха, – произнес голос. – Ты увидишь.

И тогда Аларик почувствовал. Ощутил, как они идут.

Глава 10

ЛЭЙРА

Десмонд обнял меня, когда мы с Викой наконец пробились к нему на трибуну. Отступив на шаг, он посмотрел сверху вниз, а затем снова поднял глаза, вглядываясь в мое лицо и рассматривая оригинальное украшение, которое сделала Вика. Он осторожно провел рукой по моим волосам, и к его пальцам пристало немного золотой пыли.

– Ты выглядишь прекрасно, Лэйра.

Я наклонилась к его уху:

– «Ты выглядишь могущественной, волшебница» сегодня понравилось бы мне больше.

– Несомненно, – прошептал он в ответ. – Но Кадиз наблюдает за нами из толпы, и я не хочу, чтобы он начал ревновать.

Как бы печально все это ни было, я не могла по крайней мере не улыбнуться, пока мы устраивались на наших местах.

– Я боюсь, Дес.

– Это ведь с тобой часто случается, верно?

Я кивнула. Платье Вики зашуршало, когда она опустилась на свое место позади меня, между двумя служанками. Таким образом, места на трибуне, предназначенные для рода

эс-Йафанна, оказались полностью заняты, потому что у Десмонда не было братьев и сестер.

– Ведь всегда все кончалось хорошо, Лэйра. Более или менее.

Я не смогла сдержать нервный смех, вырвавшийся из моей груди. Надеюсь, никого не смутит, если невеста, впервые появившись на публике рядом со своим нареченным, нервно рассмеется. Мы выглядели совершенно обычной парой, Десмонд и я.

Вика тоже идеально играла свою роль. Только я замечала, как искусственно она улыбается и как она стискивает руку у бедра.

Я посмотрела на восьмерых гвардейцев, выстроившихся в ряд. Они стояли перед помостом в качестве личной охраны Десмонда.

– Кто будет нас выводить отсюда, когда все начнется?

Десмонд коснулся двумя пальцами моей щеки, мягко приближая мое лицо к своему. Его губы коснулись моих у самого уголка рта, и он прошептал:

– Альян и Герон. Я им полностью доверяю, и, кроме того, я им заплатил. Не переживай на их счет, когда отделишься от нас – они в курсе.

– Они знают, что я...? – Чтобы не вызывать подозрений, я улыбнулась и запрокинула голову, изображая влюбленную девушку, которая наслаждается ласками.

– Разумеется, нет. Они знают только про ключ, но не про

магию. Ключ у тебя?

– Да.

Он был спрятан в чулке и уже натер мне мозоль. Кузнец не стал задавать вопросов, словно понимая, что ему лучше не знать ответов.

– Хорошо. Дверца находится за гобеленом, на котором изображена увенчанная снегом вершина Волариана.

Я вспомнила этот гобелен. Ребенком я любила рассматривать его, представляя, что однажды взойду на вершину, когда там будет лежать снег, хотя это было совершенно невозможно. Волариан не позволял нам подниматься выше, чем доходили зубцы стен замка. Дальше он не пропускал даже летом. Тот, кто осмеливался попытаться, расплачивался за это своей жизнью. Эти склоны принадлежали Волариану, и я уважала его волю. И все же меня постоянно тянуло туда...

Я стряхнула воспоминания. Люди на площади затихли, а их взгляды обратились вверх. Я по-прежнему избегала смотреть на Аларика, опасаясь, что он отреагирует на это и привлечет внимание. Но даже не глядя вверх, я понимала, что означает поведение людей. Мой отец вышел на балкон и взглянул сверху вниз на свой народ. Он воцарялся так высоко над нами – по меньшей мере на пять метров выше места, где страдал Аларик, – что люди могли лишь догадываться о выражении его лица. Его голос был слишком тих, чтобы можно было все слышать. И все же он упорно не соглашался, чтобы его слова передавали глашатаи. Он всегда

говорил сам. Он поступал в соответствии со своим принципом, со своим избранным девизом: *«Каждое слово я произношу для своих людей»*.

Ребенком я в это верила.

Теперь его слова текли мимо меня, как мутная вода, которую лучше не пить. Он желал удачи смелому народу Немии в победе над дэмами. Можно подумать, кто-то из этих городских жителей и правда сталкивался лицом к лицу с дэмом хотя бы раз. Люди, которые действительно несли потери, жили в низине или на менее защищенных горных склонах. Почему же он не говорил об их мужестве и не превозносил их смелость?

Он излучал гордость – гордость властителя, который уничтожил зло. Каждый житель Немии должен был увидеть, чем в глазах моего отца был Повелитель дэмов на самом деле: грязью, ничтожеством, никем. Кем-то, кто недостоин даже такой милости, как быстрая смерть. Напоминанием о победе, существом, которое должно страдать на стене замка, пока не искупит свою вину, стократно оплатив потери немийцев.

Народ ответил моему отцу радостными криками, и я, больше не в силах удержаться, бросила взгляд на Аларика, который едва двигался. Но все же он держал голову прямо, опираясь затылком о стену и закрыв глаза. Он вслушивался в слова, принимая брошенные ему в лицо издевательские похвалы.

Скрестив руки, я прижала их к стиснутой болью груди.

– Спокойно. – Я скорее ощутила слова Десмонда, чем слышала их.

И вот, мой отец поднял хрустальный бокал с белым игристым вином.

Долгожданный момент настал. Солнце в первый раз в этом году встало прямо вертикально над седлом низины, так что его лучи достигали ее самых глубоких уголков, целуя ее землю.

День солнечных поцелуев.

Раньше в знак наступления этого момента, показывая, что подданные должны поцеловать друг друга, чтобы поприветствовать это особое мгновение и попросить о мягком урожайном лете, отец целовал мою мать – там, наверху, на балконе. Потом, оставшись один, он стал одарять воздушным поцелуем народ. Но сегодня...

Он вышел вперед, так что его свободная рука легла на перила, и поднял бокал с вином. Издали не было видно, но я знала, что он широко улыбается.

– Ваше величество, – насмешливо произнес он. – Раз уж вы наш гость, не хотите ли отпраздновать с нами?

Он изобразил, будто целует содержимое стакана. Затем медленно наклонил его, и струйка игристого вина потекла на плечи, руки и волосы Аларика.

– Сколько еще? – спросила я сквозь стиснутые зубы. – Дес. Когда?

– Улыбайся, – прошептал он. Затем издал сдавленный

звук, будто с трудом сглотнул. – Уже скоро. Скоро. Поцелуй...

Аларик задрожал. Я видела, как он сопротивляется чему-то. Ощутила его внутреннюю борьбу. У него еще оставалась какая-то гордость, и он пытался сохранить ее, пытался не реагировать. Но борьба была бесполезна. Жажда была слишком сильна. Его голова запрокинулась, и он принялся ловить языком капли, которые падали на лицо. Затем жадно облизал плечи и руки, куда мог дотянуться. На перепачканной кровью и грязью коже оставались светлые полосы. Я ощутила во рту горький жгучий привкус – так сильно я чувствовала его унижение.

– Лэйра.

Десмонд взял мое лицо в ладони. Несколько секунд он пристально смотрел мне в глаза, а затем улыбнулся, и я ответила ему тем же. Повсюду шуршали платья и люди тихо смеялись, одаряя традиционным поцелуем любимого человека, соседа или просто того, кто по случайности оказался рядом. Наши губы мягко сблизились и приоткрылись. Десмонд коснулся моей щеки, так что его рука заслонила наши лица от слишком любопытных взглядов.

– Закрой глаза, – прошептал он, и я тут же подчинилась. У него было намного больше опыта в этой необычной игре, ставкой в которой были наши жизни. – Слышишь? Рабочие? Началось.

Я прислушалась. Да. Вблизи слышались громкие кри-

ки, словно порывы ветра доносили сюда шум из-за стен замка. Протесты начались у восточного крыла – перед кабинетом верховного министра. Открыв глаза, я заметила, что Кадиз исчез. Ему предстояла рискованная задача – спровоцировать рабочих так, чтобы ситуация накалилась и гвардия по возможности решительно поспешила к восточному крылу.

Но внезапно на площади послышались сдавленные возгласы. Кричали люди, стоявшие прямо перед нашей трибуной. По толпе словно прошла волна. Некоторые пытались выбраться, другие натыкались на них, не понимая, что происходит.

Мне самой понадобилось невыносимо много времени, чтобы понять, и я почувствовала происходящее раньше, чем увидела.

Магия.

Я ощутила ее вкус. Дым и расплавленное железо. Жар и холод. Магия Аларика.

– Нет, – в ужасе прошептал Десмонд.

Вика со своего места позади схватила меня за плечо.

– Лэйра, он должен прекратить это. Ты можешь...

Но что я должна была сделать? Мне самой оставалось лишь смотреть вверх, на него, одной рукой прикрыв рот, а другой вцепившись в ткань платья.

Аларик стоял прямо. За мгновение до этого он скрывал лицо скованными руками, а теперь улыбался, глядя в толпу.

Это была холодная улыбка. Холодная и зловещая. И хотя

я никогда не видела Аларика таким даже в самые мрачные моменты, этот его облик почему-то был мне хорошо знаком – эта улыбка, прогоняющая страх.

Но ведь мне казалось, что у него не осталось силы даже на то, чтобы держать голову ровно? Аларик стряхнул волосы с лица, так что шипы у него на лбу снова стали видны, а его черные глаза сверкнули. Он выглядел так знакомо, так привычно – и в то же время совершенно иначе. Он запрокинул голову, и когда он выкрикнул: «Эй, князь Немии!» – все мое тело покрылось гусиной кожей. Дело было не столько в том, что он после стольких недель голода и жажды, после недель молчания внезапно повысил голос, так что его слова легко разносились по всей площади. Дело было в чувстве власти, опасности, надвигающегося шторма, который обрушивался на нас. Темная угроза. Как гроза, которая нависает в горах над деревней. Кончик языка чувствует вкус молний еще до того, как первая из них разорвет небо. Мне не нужно было оглядываться, чтобы понять: все чувствуют то же, что и я.

В нескольких метрах над Алариком отец вцепился руками в перила балкона.

– Что вы празднуете сегодня, князь?

Меня охватил ледяной холод. Что он делает? Если гвардейцы теперь силой заставят его замолчать и прервут праздник, мы больше не сможем отвлечь их от него.

Аларик, Аларик, пожалуйста. Не делай этого. Не сейчас!

– Может быть, вы празднуете гибель вашего народа,

князь?

По толпе пронесся испуганный шепот. Кое-кто уже убегал с площади, а гвардейцы начали взбираться на стену.

Аларик рассмеялся:

– Вы еще ничего не знаете. Никто здесь еще не знает.

Вскрикнув, я прижала кулак ко рту, когда один из воинов выпустил из арбалета стрелу и она прошла совсем рядом с головой Аларика. Со стены посыпались обломки камня.

– Что это значит? – прорычал с балкона отец. Он размахивал руками, показывая гвардейцам, что они должны это прекратить. – Что же ты знаешь, проклятое чудовище?

Я хорошо знала ухмылку Аларика. В его взгляде читалось превосходство, и я больше не понимала, что чувствовать. Облегчение, потому что он не сдался? Надежду, потому что он, казалось, был способен освободиться?

Он дернулся в цепях, и пыль со стены осыпалась на него. Мне только показалось, что земля дрожит и весь замок глубоко и угрожающе загудел? Или это в людях нарастала паника?

Или это был боевой дух, который я ощутила теперь, когда Аларик начал бороться?

Или я просто боялась за свою жизнь, потому что не понимала происходящее?

Аларик еще раз рванулся в цепях. Железо заскрежетало, но выдержало. Кровь потекла по его рукам.

Я вскочила, но Десмонд удержал меня за руку.

– Что же вы за князь эс-Ретнея, – прошипел Аларик, – если вы устраиваете праздник в своем замке, когда вашу землю пожирают дэмы?

– Твои дэмы уничтожены! – выкрикнул мой отец. – Они вернулись в Царство теней!

Аларик рассмеялся, покачав головой:

– Да, князь. Так и вышло. Вернулись к теням. И там они снова набрались сил. Откройте ворота замка, если не верите мне. Они придут. Они придут и заберут вас! Ваша долина заполнится трупами, князь. Их будет так много, что они сравняются с вашей горой. И тогда дэмы принесут их вам!

Толпу охватила полнейшая паника. Дети, женщины и мужчины убегали с площади, рассыпались по улицам, кричали что-то то своим близким, то стражникам.

Двигаясь против потока, кто-то взобрался на нашу трибуну. Кадиз промок от пота.

– Рабочие, – запыхавшись, выдохнул он, – тоже в панике.

– Восстание, – неосторожно выкрикнула Вика, но в этот момент на нас все равно никто не обращал внимания.

Кадиз встревоженно посмотрел на замок и покачал головой:

– Никакого восстания. Никаких протестов. Они бегут к своим семьям.

Я этого не понимала. До входа в восточное крыло даже бегом быстро не добраться. Как вышло, что рабочие уже знают об угрозах Аларика?

Кадиз и Десмонд были в высшей степени встревожены. Но им было достаточно взгляда, чтобы ободрить друг друга. И в это мгновение... произошло еще что-то странное.

– Кадиз, – прошептала я. Чудо, что он смог расслышать меня в этом шуме, к тому же мой отец тоже начал кричать. Он запрещал Аларику говорить и призывал народ успокоиться. Но люди совершенно не слушали его, а Аларик снова и снова повторял одни и те же две фразы.

– Вы больше не приказываете мне, князь! – гремел его голос, доносившийся, наверное, до внешних стен города; и слово «князь» звучало как ругательство. – Они придут!

– Кадиз, – я дрожала всем телом. – Откуда рабочие знают, что здесь происходит?

Кадиз продолжал смотреть на Десмонда, словно ответить должен был он. Или словно спрашивал, какую часть правды мне можно раскрыть.

– Дес! – выкрикнула я, и друг закрыл глаза и чуть опустил подбородок. Лишь слабый намек на кивок.

– Прибыл всадник, – бесцветным голосом сказал Кадиз. – Дэмы на склоне. Он призвал их. Аларик... Повелитель дэмов действительно призвал их.

Слова были тяжелыми и пустыми. Мое тело поглотила паника, а затем мысли внезапно ускорились, крутясь вокруг трех точек, которые я способна была осознавать.

Аларик. Я должна его спасти... Но он сам разрушил все возможности для этого.

Моя деревня.

И моя мама.

Если дэмы вернулись из тени, если Аларик приказал им вернуться, значит...

– Мне нужна лошадь! – крикнула я, хватая за рукав сначала Десмонда, а затем Вику.

Быстро, не теряя времени, я взглянула на Аларика. Он смотрел на площадь, на улицы, полные испуганных людей. И смотрел с удовольствием. Удовлетворение читалось в его холодной улыбке. Как будто их ужас был единственным в мире, что могло сделать его счастливым.

Что, если мы опоздали? Если он сломался? Если в нем осталась лишь темная, исполненная ненависти жажда мести?

– Лошадь, Десмонд! Проклятье, мне нужна лошадь!

Дес побледнел. На его висках выступил тонкий слой пота. Он рассеянно кивнул:

– Дай мне час, Лэйра. Мы поедем вместе...

– У меня нет этого часа! Ты не понимаешь? Аларик призвал дэмов! Моя мама в деревне, без защиты!

– Он не пошлет их в твою деревню, Лэйра! Этого он не сделает.

«Разумеется, нет, – ответил робкий голосок внутри, считавший, что это так же очевидно, как то, что ветра дуют. – Но что... если пошлет?»

Вика и Кадиз обменялись парой слов, затем подруга схватила меня за руку и потащила с помоста и через площадь.

На бегу я обернулась и увидела толпу гвардейцев с луками и арбалетами, а некоторых – с длинными шестами. Я бросила последний взгляд наверх, на Аларика, который наклонился вперед, насколько позволяли цепи, и наблюдал за происходящим, словно это был спектакль в его честь.

Цепи. Оковы. Колья, которые пронзали крылья и прибивали его к голой стене. Он не освободился от них. И все же он больше не выглядел пленником. Он выглядел как тот, кто следует плану. Плану, который уже пущен в ход. И он этим наслаждался.

А у меня в этом плане не было никакой роли. Более того, сейчас я больше не могла об этом беспокоиться. Я должна забыть Аларика – на пару часов, – потому что я была нужна маме. И своей деревне.

Что ты сделал, Аларик? Почему ты нас не...

Я рассеянно потерла лицо. Имела ли я право требовать от него этого? Его доверия? Мы на столько недель оставили его там в одиночестве и ничего для него не добились.

На мощеной улице мы снова встретились с Кадизом. Я понятия не имела, где он так быстро добыл серого мерина, но не стала задавать вопросов, а просто схватила поводья.

– Быстреей! – крикнул Кадиз. – Они вот-вот поднимут мост.

Юбка платья цвета солнца порвалась, когда я вскочила на коня.

– Скажи мне одно, Кадиз. Аларик знал, что мы сегодня

собираемся его освободить?

Кадиз опустил взгляд.

– Кадиз!

– Да, он знал. Я сам сказал ему об этом сегодня утром.

Но почему?..

Он ждал столько недель. Почему он не мог дать нам еще один день?

Что творится у тебя внутри, Аларик?

Вика подхватила свое платье и сунула кинжал мне в руки. Мне оставалось только сунуть его в сапог.

– Будь осторожна. Поклянись мне. Поклянись горами!

– Клянусь горами, древними и вечными.

– Лэйра, – серьезно произнес Кадиз. – Мост! Я сделаю, что смогу, но тебе теперь надо спешить!

– Спасибо, – крикнула я, разворачивая лошадь и направляя ее по ступенчатой улочке, ведущей вниз. Еще не выехав на широкую мостовую, я уже неслась галопом, крича людям, чтобы они уступили мне дорогу, стремясь к воротам по самому короткому пути, со всей скоростью, на которую был способен этот мерин,

Ворота были еще открыты. Я крикнула гвардейцам, чтобы они меня пропустили, и задела кого-то ногой в стремя. Громко топоча, мерин пронес меня по подвесному мосту и ринулся вниз по серпантинам Волариана. Никто и ничто не преследовало нас, кроме моих полных непонимания вопросов.

Что же ты сделал, Аларик?

И почему?

Глава 11

ЛЭЙРА

Мерин оказался быстрым и надежным, каким и должен быть. Я неслась по извилистым дорожкам галопом, далеко отклонившись назад в седле, чтобы не перелететь через его голову, если он споткнется. Когда мне навстречу на склон Волариана выбежали первые люди из деревни – побледневшие от ужаса, с детьми и наскоро собранным добром, – я погнала его еще быстрее. Никогда, ни при каких обстоятельствах я не позволила бы себе скакать вниз на такой скорости, но я не могла думать больше ни о чем, кроме беззащитной низинной деревни. И матери.

Снова и снова я просила западный ветер, люлану, чтобы она сделала моего коня быстрее, чтобы он взлетел на ее порывах.

Думать об Аларике я себе запрещала.

Когда я добралась до долины, конь потемнел от пота и совершенно вымотался. Из-за того, что я была в платье, седло до крови натерло бедра и икры. Но нам нужно было двигаться дальше и как можно быстрее. Копыта вздымали пыль на сухой дороге, которая вела меж полей. Солнце безжалостно

опаляло нас. Его лучи уже покинули долину – солнечный поцелуй остался в прошлом. И все, что случилось здесь, тоже.

Я не видела дэмов. Ни единого.

Но я видела разрушения, которые они после себя оставили. Корова с отвратительной раной на боку вышла мне навстречу и убежала в поле. На общипанных пастбищах в лужах собственной крови лежали козы и коротко постриженные овцы. В лесу было тихо, словно я ехала сквозь него в кошмарном сне. Словно все звери, птицы и даже насекомые сбежали из долины.

– Ондрия! – выкрикнула я, когда в поле зрения появилась невысокая изба. Дверь была приоткрыта. Ондрия жила одна с тремя маленькими детьми, поодаль от деревни. Ее плечи едва проходили в дверь, и у нее было огромное сердце. Все-му, что я знала об исцелении и травах, я научилась у нее. Я не могла просто проехать мимо, когда ей, возможно, нужна была помощь. Так что я придержала серого мерина и спрыгнула с него, держа кинжал в руке. Тяжело дыша, конь остановился. Хлопья пены покрывали его шею, собирались между ног и на подпруге.

– Ондрия? – Я рывком распахнула дверь. Яростное шипение заставило меня отшатнуться. В полутьме сверкнули глаза, а затем дэм метнулся через комнату и спрятался под кроватью.

На подгибающихся ногах я вошла в хижину. Чайник упал с плиты, и вода пролилась на пол. В луже лежал кусок хлеба,

обгрызенный будто крысиными зубами. Дэм под кроватью тихо заурчал, когда я подошла ближе, но отодвинулся по-дальше. Он был необычно мелким, едва ли размером с кошку. Трудно поверить, что это существо когда-то было человеком. Возможно, его превращение произошло сотню лет назад, и тварь уменьшалась с каждым годом.

Я выбежала наружу. Обошла хижину, взглянула на пристройку. Сундук для одежды был открыт, одеял на кроватях не было. Наверное, дети Ондрии смогли забрать самое необходимое. Возвращаясь к коню Кадиза, я прошла мимо курятника, и у меня скрутило живот. Загородка была еще закрыта, и пять куриц беспомощно и совершенно безмолвно забились в самый низкий угол. Я открыла клетку, чтобы у них был, по крайней мере, шанс сбежать. Затем я поспешила к лошади. Когда я уселась в седло, острое жжение напомнило мне о том, как стерты мои голые ноги. Стиснув зубы, я пустила серого в галоп с места, чтобы побыстрее добраться до деревни.

Но деревня...

Мое сердце уже не билось, а только вздрагивало через пугающе долгие промежутки, удар за ударом проталкивая кровь по сосудам. Меня пробил пот, хотя мы уже давно скакали не слишком быстро.

Серый двигался из последних сил. Он тяжело переступал по траве, и звук его шагов терялся между домами. Мерин шарахнулся от перемазанного кровью трупя козы.

Тень накрыла мой дом, который еще несколько часов назад озарили первые лучи солнца, коснувшиеся крыш, заборов и развешанного на веревках белья.

Дома были пусты. Наверное, люди бежали в спешке. Кое-где двери были открыты, на улице лежал разорванный мешок, из него высыпались раздавленные фрукты и растрескавшаяся свекла. Остатки клевал ворон. По улице туда-сюда бегала испуганная собака, облаивая пустоту.

Они сбежали. Наверное, дэмы пришли, и люди бежали. Я посмотрела в сторону кузницы, затем в сторону аптеки, где жил Теобо. Ничто не указывало на следы борьбы. Неужели никто не попытался защищаться?

Я ударила коня пятками, чтобы он из последних сил прошел еще несколько метров. В ушах шумело, словно все четыре ветра обрушились на меня. Лицо было горячим и одновременно холодным как лед.

Мама была не в состоянии бежать. Или?

Перед нашим домом я не стала ждать, пока конь остановится, а спрыгнула с него на ходу. Остро вспыхнула боль в ногах, я шагнула назад, споткнулась и упала, опершись о землю руками. Поспешно поднялась и распахнула входную дверь.

Дом был пуст. Совершенно пуст.

Застеленные кровати, убранная посуда... Казалось, будто мама просто вышла к соседке Анкен. Или на рынок. Ее окрашенная минеральными красками шерстяная накидка, кото-

рую она постоянно носила на плечах даже летом, отсутствовала, и палка тоже. С кухни исчезли сыр, хлеб и ветчина, а также острый нож.

Мне сразу же захотелось броситься на поиски ее следов. Она не могла уйти далеко. Я должна ее найти. Но потом я остановилась, зашла в спальню и бросилась к своему сундуку с одеждой.

Слава горам, мой мюродем был на месте! Я поспешно натянула на истерзанные ноги тонкие штаны, но не стала снимать изорванное платье. Красота солнечной ткани осталась в прошлом. Пыль, кровь и лошадиный пот окрасили ее в цвет сточных вод. Пояс для оружия я закрепила под юбкой и убрала клинок в кожаные ножны так, чтобы остатки платья его скрывали. Учитывая находящихся в долине дэмов, мне не хотелось, чтобы какой-то гвардеец придирался ко мне только из-за того, что я ношу оружие, которого больше недостойна. К тому же привычка его скрывать была у меня уже в крови.

Серый щипал траву у обочины. Когда я взяла поводья, он оглянулся на меня выпученными глазами.

– Мне жаль, но надо двигаться дальше.

Сначала я вела его под уздцы, пока искала следы. Это было несложно: мамина палка оставляла круглые отпечатки на утопанной тропе перед нашим домом. Они вели на улицу, которая проходила через всю деревню. Я прошла мимо кузницы, где в горне еще горел огонь, а из трубы, извиваясь, поднимался дым. По этой тропе прошло много людей – это

было видно по отпечаткам ног на земле, стершим следы маминой палки. Кое-где виднелись потерянные в спешке вещи. Но я снова не заметила никаких следов борьбы. Никакой крови, кроме разве что гуся с разорванным горлом, который лежал в пыли между домами. Никаких признаков, что кто-то использовал оружие. Ни одного мертвого дэма, ни одного мертвого человека.

Возможно, их предупредили и они смогли сбежать вовремя? Возможно, кто-то решил помочь маме и посадил ее на тачку или в повозку, или понес, когда она не смогла идти дальше? От этих мыслей мне стало немного легче.

Тропа разделялась и вела меня на восток, туда, где через лес проходила дорога пошире. Я снова оседлала серого, хотя он шумно раздувал бока, и пустила его рысью, чтобы быстрее двигаться вперед.

Я заметила следы на узкой тропе, которая круто поднималась вверх по склону и уводила мимо двух валунов в гору Вара, где почти терялась меж известняковых скал. Здесь мне пришлось спешиться – опасность, что уставший конь сделает неверный шаг, попадет в щель или дыру и споткнется, была слишком велика. Мне подумалось, что, может быть, стоит привязать его к корню, но я решила не делать этого. Я хотела оставить ему возможность сбежать, если явятся дэмы, даже если сама в итоге останусь без коня. Может быть, я вообще не вернусь.

– Я была бы очень благодарна, если бы ты меня подо-

ждал, — прошептала я в его дрожащее ухо. Он фыркнул, и я могла только надеяться, что это означает согласие.

Здесь, на склонах Вары, мне был известен каждый камень, и я точно знала, по каким ответвлениям тропы пробираться труднее. Этот путь использовали странники, которые хотели покинуть Немию. Там, где северный конец горной цепи Вары упирался в гору Иста, гору света, между их вершинами шел единственный путь. Чтобы преодолеть ледяные ветра и волны жары в Стране ненастья, которая начиналась за Варой, нужно было крепко стоять на ногах, быть ловким и не страдать от головокружения.

Это явно не про маму. Или кто-то ее нес? Наверное, Теобо или кузнец?

Подниматься по горе оказалось тяжело. На тропе едва хватало места для одного человека, часто скалы нависали над ней или подступали с обеих сторон, так что получались ворота, под которыми приходилось протискиваться. Я ускорила шаг, так как помнила, что скоро начнутся каньоны. Это были узкие крутые провалы, похожие на следы от удара огромного топора, словно сама Лиаскай дала волю гневу, обратив его на эту горную цепь. Мама выругала меня, когда я впервые упомянула такое сравнение. Как будто было непростительно легкомысленно предполагать, что наша Мать может поддаться гневу.

Но разве это невозможно? Ведь часто люди ведут себя настолько глупо, что разрушают в своих ссорах землю, которая

питает нас и которая является нашей родиной. Разве мы не валим деревья, чтобы сжигать их в печах наших кузниц, не дырявим горы в поисках руды, не выковываем оружие из железа и огня, чтобы воевать друг с другом?

Когда я добралась до первой расселины, мне стало страшно. Она была такой узкой, что мост здесь строить не стали. Одним прыжком я преодолела ее. Как мать могла с этим справиться? Как далеко жители деревни могли уйти вперед? Разве я не должна была их уже нагнать?

Снова тропа вела меня меж скальных стен, которые сужались, так что надо мной возникал мощный купол. Танэль тихо гудел в расселинах, овеивая меня успокаивающими теплыми порывами. То и дело они приносили тонкий, пахнущий железом песок из Страны ненастья.

А потом я кое-что услышала. Тявканье и какое-то шипенье где-то наверху. Дэмы. Я зашагала быстрее, забралась по скале немного выше, туда, где дорога изгибалась. Сумерки наступали быстро, словно на гору накидывали серый платок, который скрывал последние краски. Я ускорила шаг. В восточных горах сумерки очень коротки. Скоро здесь будет совершенно темно.

Снова звуки, которые могли принадлежать горным львам – или дэмам. И то и другое не сулило ничего хорошего. Не послышалось ли мне сейчас эхо человеческих голосов?

Я полезла вверх еще быстрее, в спешке поскользнулась и поранила колено сквозь штаны. Проклятье! Но я все же дви-

нулась дальше. Следующая расселина распахнулась передо мной, через нее вел потрепанный ветрами деревянный мост. Теперь я уже совершенно отчетливо различала голоса. Казалось, будто они доносятся из бездны подо мной. Но я еще ребенком научилась не доверять горам. Они отбрасывали эхо то в одном направлении, то в другом, как им было угодно. Теперь дальше. Быстрей!

Скоро я уже прошла первую маленькую гору в цепи, завершавшей мощный хребет. Путь, почти не поднимаясь наверх, извивался вдоль ее северного склона. Несчетное число лет люди долбили здешние скалы. Говорят, когда-то он был достаточно широк, чтобы здесь проезжали повозки, но оползни сделали его уже, так что теперь приходилось вплотную прижиматься к скалам, чтобы не споткнуться и не упасть в не слишком глубокую, но полную острых выступов и узких трещин расселину. Только хлипкий деревянный заборчик и какая-то веревка создавали видимость защиты. С беспокойством я заметила, что через пару сотен метров перила внезапно кончаются. Конец веревки просто свисал вниз.

Мне нужно было двигаться быстрее, потому что теперь я отчетливо различала женский плач.

Стоит ли их окликнуть? Попросить, чтобы меня подождали? Но я все еще не знала, зачем они ушли в горы. Если они бежали от дэмов, я навлеку на них опасность и выдам тварям собственное местонахождение, потеряв возможность неожи-

данно атаковать их снизу.

Внезапно из пропасти у моих ног донесся хрип. Моим первым побуждением было проигнорировать его. Может, это дэмы столкнулись с горными львами, которые к ночи выходили из своих пещер. Я содрогнулась от мысли, что до темноты было уже рукой подать.

Но что-то в этом звуке заставило мое сердце сбиться с ритма. В груди расплзался холод, сердце словно раз за разом ударялось в ледяную стену, которая готова была вот-вот расколоться.

Ноги, отяжелевшие и стертые до крови, больше не держали меня.

Глава 12

ВИКА

– Вот ты где наконец-то, я все это время тебя ищу.

Пренебрежительный взгляд матери скользнул по Вике, ненадолго задержавшись на пыли, которая покрывала ее юбку и теперь оседала на мягкий ковер в комнате. Но Ларана Лессит воздержалась от каких-либо комментариев и вместо этого лишь язвительно поджала губы.

– Переоденься, Викарай. Здесь слишком небезопасно для меня, мы уезжаем сегодня же.

– Что? Сейчас? – Вика даже не знала, что планируется отъезд – похоже, мама не сочла нужным оповестить ее о подобных обстоятельствах. – Ты разве не знаешь, что происходит там, снаружи?

Плененный Повелитель дэмов прямо сейчас угрожал снова обрушить на страну своих тварей – а ее мама хотела *уехать*? Но да, похоже, именно это она и планировала. Она уже надела удобные сапоги и начищенный костюм для верховой езды вместо летнего платья, в которое наряжалась на День солнечного поцелуя.

Вика распустила шнуровку собственного праздничного

наряда. Она в любом случае собиралась переодеться. Не для того, чтобы сесть в повозку вместе с матерью, а для того, чтобы поехать следом за Лэйрой и помочь ей. Ее телохранитель Гидеон уже седлал лошадей в конюшне.

— Это я прекрасно знаю. — Мать явно нервничала, ее губы побледнели. Она забыла накраситься, что выдавало тревогу. А это, в свою очередь, делало ее раздражительной. В высшей степени неразумно спорить с ней, когда она в таком состоянии. — И я не стану дожидаться, пока станет хуже, дороги перекроют, и мы застрянем здесь, а дэмы будут нападать на нас снова и снова. Вика, ты не представляешь, как ужасно это было.

У Лараны Лессит глаза бы выпучились так сильно, что выпали бы из головы, если бы она знала, какими познаниями в сфере борьбы с дэмами владела Вика. Она совершенно не знала собственную дочь. Иначе она никогда не купилась бы на историю, что та в Лиаскай упала с лошади и, будто бестолковая маленькая девочка, врезалась в куст с ядовитыми шипами, который изуродовал ее лицо. Или мама предполагала, что Вика устроила это намеренно, чтобы отпугнуть кандидатов на роль жениха? Впрочем, в случае с богатым эшрианцем, которому нужна была новая племенная кобыла, потому что его первая жена никак не могла забеременеть, это сработало. Эшрианцы вообще уделяли много внимания внешности. Безупречная красота ценилась ими превыше всего. Так что для них Вика теперь была бесполезна. И все же тема за-

мужества никуда не делась. Казалось, Ларана Лессит спешила с этим еще сильнее, поскольку молодость и невинность оставались единственным, что было ценного в дочери.

– И все же я не хочу уезжать, – Вика старалась, чтобы голос звучал спокойно. – Я как раз обещала... – Проклятье. Что она должна сказать? Услышав хоть что-то близкое к истине, мать попытается ей помешать и все запретить. Вика вообще не надеялась все ей объяснить. Ее родители обычно не задавали вопросов и не беспокоились ни о том, что она делала или позволяла себе, ни о том, на что она тратила деньги. В обмен на это они ожидали безусловного послушания, когда его требовали – что происходило не так уж часто.

– У нас нет времени, – продолжала мать. – Князь собирается перекрыть все выходы, если гвардейцы во время патрулирования наткнутся на дэмов. Мы получили приказ немедленно трогаться в путь. Иначе не исключено, что до конца лета отсюда так и не выберемся.

Вика содрогнулась. Лето только-только достигло своего пика, но мюр в этом году был сильным, что предвещало раннюю осень. В межсезонье проходимыми оставались только несколько путей, ведущих из Немии, и перемещение по ним было связано с риском, на который ее родители никогда бы не пошли.

– Но куда вы так внезапно собрались?

– Не время для вопросов. Возьми все самое необходимое, остальное пошлют нам вслед. Мы поедем через перевал Во-

лариана. Это не обсуждается.

С этими словами она обернулась и исчезла за дверью, связывающей комнату Вики с покоем родителей. Дверь осталась приоткрытой.

Что это должно было означать? Ее мать по доброй воле собирается ехать верхом через перевал вместо того, чтобы путешествовать в удобной повозке? Она настолько спешит?

И почему – снова, о великая Иста! – у Вики не хватило смелости возразить? Она сражалась с дэмами и противостояла их Повелителю, но в присутствии матери она снова чувствовала себя плаксивой маленькой девочкой, которая в страхе перед жестокими упреками делает все, что от нее требуют.

Вика была позором семейства. Еще ребенком разочаровала родителей, став воплощением всего, что они не любили. Она не была ни сыном, который сохранил бы их фамилию, ни дочерью, прелестной и очаровательной, утешающей их тем, что она еще девочка. А теперь еще и с обезображенным лицом... Вика воплощала в себе все, чего ее родители никогда не хотели. То, что происходило прямо сейчас, подтверждало это: матери достаточно было свистнуть, и Вика превратилась в послушного ребенка.

Вздохнув, она надела штаны для верховой езды, низкие сапоги и легкую рубашку со шнуровкой.

– И, пожалуйста, не одевайся как горняки, – окликнула ее мать из соседней комнаты. – Постарайся выглядеть хоть

немного красивой.

Вика нервно стянула рубашку и надела вместо нее кофту из амисийского шелка. Мысли метались. Есть ли возможность отложить путешествие? Как убедить родителей в том, что она нужна Лэйре?

Неверный вопрос. Лэйра интересуется ее мать не больше, чем грязь под ногами. Она даже ненавидит ее, ведь считает, что Десмонд должен был сделать предложение Вике, а не Лэйре. Вика не отрицала, что когда-то и она так же думала – просто переживала, что мужчина, которого выберут для нее родители, может оказаться совсем не таким, как Десмонд.

Она взвесила мюродем в руке. Он придавал ей смелости – достаточно смелости для двоих. Но после их путешествия в Царство дэмов к смелости примешивалось что-то еще, чувство, которое Вика в иных обстоятельствах смогла бы подавить: вина. И все же она надела ножны. Если снаружи и правда были дэмы, она не хочет полагаться на защиту телохранителя. Гидеон был хорошим парнем, и руки у него были размером с бычьей окорочка. Но он никогда не видел дэмов.

Услышав шаги за дверью, она подняла взгляд. То, что это оказался ее отец, который стоял в коридоре, слегка изогнув свою узкую худую спину и склонив голову, словно тяжелый груз пригибал его к земле, удивило ее. Раньше их отношения были искренними, но уже много лет – с тех пор, как та самая тема стала занимать все больше и больше места – он дистанцировался от нее и лишь передавал ей слова жены.

– Почему мы уезжаем так поспешно? – Как Вика ни старалась, в ее голосе зазвучала неуверенность. – Хоть ты скажи мне, что все это означает. Выезд и правда планируют перекрыть? Ала... – О, проклятье, она должна быть осторожней. – Не может же нас напугать плененный Повелитель дэмов. Князь эс-Ретнея не поддается на пустые угрозы!

Впрочем, ей стоило бы добавить, что Аларик ужасно напугал и ее. Да даже самую Лэйру, которая знала Аларика как никто другой, казалось, верила каждому его слову.

– Вика, дорогая. – Папа погладил ее по плечу, пытаясь утешить. – Я понимаю, что все мы многого требуем от тебя. Но, пожалуйста, доверься нам. Мы же о тебе заботимся.

Ему она даже верила. Иногда. Вот только в каждом споре побеждала мать. А для нее на первом месте были собственные цели. Вика была лишь средством их достижения.

– Речь о новом кандидате?

– Речь о безопасности. – Впервые за много лет отец притянул ее к себе и обнял. Он исхудал, так что она ощущала каждую кость. – Ты знаешь, что я никогда не стану тебя принуждать. Я просто хочу, чтобы ты выслушала возможные варианты, когда их тебе предложат, и приняла решение, зная все обстоятельства и все обдумав. Больше я сейчас ничего не могу сказать.

Обстоятельства... Он явно имел в виду новых мужчин. Кандидатов, которые больше не смогут приезжать в Немию, если князь и правда прикажет перекрыть входы. Проблема

была только в том, что Вика уже сейчас знала – ей никто не нужен. И даже если отец и правда не собирался ее ни к чему принуждать – о матери такого сказать было нельзя.

Почему-то Вика вспомнила про Риана Циру, который являлся ей во сне почти каждую ночь. При этом он не слишком много говорил с ней. Обычно они оба молчали. Это были сны о биении сердца и призраке в темноте. И все же ночь за ночью он становился все ближе. И вот наконец его призрачная близость стала даже казаться *доброй*, придающей ей чувство безопасности. Словно она закрылась в маленькой комнате в башне, где жила ребенком, крепко заперла дверь и подперла ее шкафом, чтобы никто не мог войти и помешать. Сны, в которых не было ничего, кроме молчания, биения сердца и призрака в темноте, – где можно было скрыться от забот мира бодрствования.

Она стряхнула эти мысли. Уныние ей сейчас ничем не поможет.

– Зашнуруй сапоги, Викарай, – указал отец. – И возьми теплую куртку, мы будем ехать через ничейную землю.

Я впервые заметила глубокие морщины вокруг его глаз. Ставшие тонкими губы. Когда Вика родилась, он уже был немолод, но теперь он по-настоящему постарел, и она осознала, что он не всегда будет с ней рядом.

– Слышишь меня, девочка?

Она кивнула, но мысли снова уносили ее прочь. Как и всегда, когда ей приходилось мириться с потерей.

– Значит, мы едем в Лиаскай? – спросила она. Должно быть, это так, потому что путь через ничейную землю мог вести еще только в Кеппох, который находился к западу от земель Королевы Лиаскай.

Отец улыбнулся, но при этом нахмурил поседевшие брови, словно тревожась о чем-то, возможно, неосознанно.

– Викарай, возможно, ты не сразу все поймешь. Но однажды это произойдет, ты ведь умная девочка. Я знаю тебя, моя маленькая воительница, достаточно хорошо, чтобы точно знать: ты встретишь то, что случится, гордо и радостно. Ты мне доверяешь?

Эти слова совсем не успокаивали. Вероятно, они и правда собирались в Кеппох. Более того, Вика поняла, что отец ничего ей не скажет, как бы сильно любопытство и тревога ни сжигали ее изнутри.

Вика еще раз крепко прижалась к его плечу только для того, чтобы он не увидел слезы в ее глазах. Слезы отчаяния, потому что она не видела иного выхода, кроме как делать то, что от нее требовали. В течение многих поколений женщины ее рода заключали стратегические браки, выполняя желания старших. Ее родители не были исключением. Но почему тогда, о морозная Иста, ей теперь так тяжело?

Но еще она плакала потому, что слова отца тронули ее.

Моя маленькая воительница. Как давно он последний раз ее так называл? Она забыла, как много для нее значило это детское прозвище.

– Мама будет тобой гордиться, – прошептал он ей на ухо. – А я и так уже горжусь. На кону намного больше, чем ты думаешь.

Глава 13

ЛЭЙРА

Я медленно перегнулась через край и посмотрела вниз. Внезапно все зашаталось. Я. Трава. Гора. Земля. Весь мой мир.

Расселина здесь была не особенно глубокой. Может, метра четыре. Ее дно было завалено камнями, свидетельствующими о том, что когда-то здесь прошел оползень. Среди серых, антрацитовых и коричневых камней шерстяная накидка, окрашенная минеральными красками, виднелась очень четко.

Пожалуйста, нет.

На зазубренном остром выступе я различила красноватый отблеск. Кровь. Еще немного дальше висел обрывок синей ткани. Индиго. Как юбка моей...

Я перекинула ноги через край, нащупывая места, на которые можно опереться, и стала спускаться. Я карабкалась вниз быстро, отпуская очередной уступ, как только ноги нащупывали твердую опору.

Снова этот звук. Стон. Совсем тихий, хотя я была так близко. Последний отрезок спуска я преодолела прыжком,

соскользнула по груде камней и ударилась бедром, но тут же поднялась на ноги и, спотыкаясь, поспешила к месту, где...

Пожалуйста, пожалуйста, нет. Горы, ветра, Вара, танэль – пусть окажется, что вы просто посмеялись надо мной! Обманули меня образами и звуками.

Но я уже добралась до маминой шерстяной накидки и снова услышала доносящийся из-под нее слабый стон.

– Мама? – Осторожно, словно могла причинить ей вред, я подняла с земли палку. Я хотела прислонить ее рядом с ней, но вместо этого опустила на колени, почти упала. Мама распростерлась на спине на скальных обломках, ее тело было скрючено. Руки она крепко прижала к груди, неестественно вывихнутые ноги лежали среди камней, словно больше ей не принадлежали. Ее лицо было серым, как камень, губы посинели от холода, а под затылком расплзалась темная лужица крови.

– Мама. – Я коснулась ее щеки, и она показалась восковой на ощупь, будто мама уже отправилась к Лиаскай. Но она была еще здесь. Ее грудь поднималась и опускалась поспешными резкими движениями, замирала, а затем снова судорожно вздымалась.

Мое тело застыло, онемев. Но в этой мучительной тишине билась одна мысль: я должна ей помочь. Унести ее отсюда, пока не придут ночные звери. Дэмы! Тьма уже надвигалась и окутывала нас. Я едва видела на два шага перед собой.

Нужно отнести маму к целителю – в замке эс-Ретнея луч-

шие целители в стране. Как я могу стоять, оцепенев от потрясения. Нужно что-то делать!

Но в глубине души я уже давно понимала, что слишком поздно. По тому, как лежала мать, было ясно, что у нее раздроблен позвоночник. Ни один человек не может пережить такие повреждения. Любая попытка ей помочь только увеличит ее мучения.

Она со свистом втянула воздух, ее посиневшие веки дрогнули, и она закрыла их.

– Исчезни, – выдохнула она, и я невольно сглотнула, потому что мне внезапно стало ясно, что я наделала. Все это... Это была моя вина. Только моя.

Если бы я тогда не поссорилась с Десмондом, я бы никогда не сказала ему тех ужасных слов и не поверила бы, что сама прокляла его. Я бы не отправилась в Царство теней, и тогда Риан Цира не погиб бы, а дэмы не перешли бы границу Немии.

Аларик остался бы свободен и не превратился в монстра. Он не призвал бы дэмов. И мама осталась бы в безопасности.

– Мне так жаль, – слезы заливали мне лицо и капали на ее одежду. – Если бы я только могла, я бы сделала все...

– Лэйра? Это... ты?

Я подняла взгляд. Она имела в виду не меня?

Но что это меняло? Вина все равно на мне, не важно, знает об этом мама или нет. Человек, которого я любила больше всего, будет страдать от ужасных последствий моей ошибки.

Я отдала бы все, чтобы поменяться с ней местами.

Я осторожно коснулась ее руки. Она была холодной, как лед, но все же ее пальцы сжали мои с большей силой, чем я ожидала.

Я погладила ее по щеке:

– Я здесь, мама.

– Я... я... думала.

– Спокойно. Это я. Лэйра. Я рядом. Что случилось?

Она попыталась наклонить голову и застонала, когда ей это не удалось.

– Тебе больно? – какой дурацкий вопрос.

Но она сказала:

– Нет. Сейчас уже... нет.

Я понимала, о чем она говорит. Лиаскай забрала у мамы боль этого мира. Для нее больше не было пути назад. Мои слезы, падая на засаленную шерстяную накидку, превращались в маленькие, светящиеся в темноте жемчужины, и я снова вспомнила о том, что недавно узнала и что непременно должна была ей рассказать: что магия защищала нас от *увядания*!

Я неловко сняла с шеи кожаный ремешок, на котором висела каменная бусина, положила его ей на ладонь и сжала вокруг него ее пальцы. Я не сказала ей, что таилось в этом украшении – что дремало не только во мне, но и в ней. Мало что пугало ее больше магии. Если я теперь скажу ей, что и в ней самой, вероятно, была магия, я пробужу в ней страх,

который не смогу унять, и она так и умрет в страхе.

И все же я надеялась, что магия совершит чудо, хотя и знала, что только одна магия в этом мире может вернуть человека, который встал на путь к Лиаскай. И этой магией – рассекателем времени – я не обладала.

– Лэйра. Ты должна... должна сейчас... выслушать меня.

– Не говори, мама. Пожалуйста.

Она дрожала. Я осторожно постаралась получше накрыть ее и задумалась о том, что еще я могу сделать, чтобы дать ей какое-то облегчение. Но у меня с собой не было ничего, что могло бы ей помочь, даже глотка воды, чтобы смочить ей губы.

– Это... важно. Слушай.

Каждый слог требовал от нее огромных усилий. Она была едва в состоянии открыть глаза, а ее голова неподвижно лежала на камне, только губы шевелились. С мучительным усилием она произносила одно слово за другим, а ее накидка впитывала слезу за слезой. Она говорила, что злобный властитель послал свою армию. Злобный властитель, который хочет уничтожить Немию раз и навсегда.

Я поверила ей. То, что отец совершил с Алариком, разогло в нем ужаснейшую ненависть, и сколько этой ненависти он сможет уместить в себе, я едва ли могла представить.

Я беззвучно плакала.

Мамин голос стал еще слабее, ее дыхание – еще напряженнее, а паузы между словами затягивались все больше. Она

убеждала меня вернуться обратно в долину или в замок, потому что злобный властитель, движимый мстостью, пришлет всех своих дэмов.

— Немия потеряна! — неожиданно отчетливо произнесла она. — Она обратилась... давно... в обломки и пепел. Ты должна... следовать за спасительницей. Не важно, насколько высока... цена. Следуй за ней, за спасительницей. Через Вару. Там, дочка... еще есть надежда.

Ее слова о том, что кто-то указал жителям деревни путь к спасению, стали для меня хоть каким-то утешением. Но кого она могла иметь в виду? Жену кузнеца? Она была осторожной и умной и хорошо знала эту тропу. Или Ондрию? В деревне не было никого смелее и решительнее ее, к тому же ей уже приходилось начинать жизнь заново.

Каждое слово отнимало у мамы много сил, и я не хотела, чтобы она так напрягалась. Если бы я могла хотя бы прижать ее к себе. Но судя по тому, как ее переломанные кости выпирали из-под платья, это причинило бы ей лишь боль. Я могла только ждать. Держать ее за руку. Быть рядом.

Великие горы, за всю свою жизнь я не переживала ничего более ужасного.

— Обе...щаешь? Лэйра? — Ее рука дрогнула в моей. — Что ты... будешь... в безопасности?

— Тсс, — тихо произнесла я, чтобы выиграть время. Она не могла требовать, чтобы я сбежала. Меня словно парализовало, но глубоко внутри таился ветер, ожидая возможно-

сти вырваться на волю и превратиться в шторм. Я не смогу долго сдерживать его.

– Пожалуйста, Лэйра.

Но я не могла соврать ей в последние минуты ее жизни:

– Ты же знаешь, я не могу оставить Десмонда. И Вику. Я никогда себе этого не прощу.

Дыхание хрипело в ее груди. Ее пальцы то нервно сжимали мои со всей оставшейся в ней силой, то снова совершенно расслаблялись.

– Она говорит... Немия... давно... пала.

– Тсс, успокойся, мама. Пожалуйста.

– Она говорит... бегите. Мы все... должны... бежать.

– Кто это говорит?

– Мы все. Должны. Бежать.

Я ощутила, как силы покидают ее, и рыдания едва не сокрушили меня. Она была уже одной ногой в царстве Лиаскай. Я не могла ее удержать. Я вот-вот потеряю ее – меня пробрала холодная дрожь – и останусь одна в этом полном ненависти мире.

И все же я собралась с духом. Мама всегда пыталась сделать из меня настоящую немийку: сильную и сдержанную, не поддающуюся бессмысленной сентиментальности или чрезмерной чувствительности. Не такая уж трудная задача – убедить ее, что ей это удалось и я могу с достоинством проводить ее в последний путь.

И все же одного мне не удалось: исполнить ее последнюю

просьбу. Потому что для этого мне пришлось бы соврать. У меня была тайна от матери, но я никогда не лгала ей и всегда изо всех сил старалась держать свои обещания.

Неподвижно и молча я сидела рядом с ней, гладила ее по тыльной стороне ладони и прислушивалась к ее дыханию, пока оно не стихло.

Счастливого пути, мама, подумала я, не в силах произнести слова вслух, как было должно. Я могла только мысленно повторить их: «Расскажи Матери о Немии, мама. Расскажи ей наши истории, чтобы она думала о нас».

Потом меня коснулся теплый порыв ветра. Словно дотронулся до моей щеки, осушая слезы, которые застыли на моих ресницах. Я ухватилась за этот ветерок, хотела удержать его, но он уже исчез.

Моя голова опустилась ниже, на грудь матери, потому что теперь это больше не могло причинить ей боль. Я плакала, я всхлипывала, и, наконец, кричала и прижимала к себе ее безвольное тело. Потому что теперь ей больше не могло стать больно или стыдно за меня.

Ее больше не было здесь.

Глава 14

ВИКА

Было раннее утро, еще не встало солнце. Факелы на стенах освещали зал дрожащим светом и источали запах горящего масла, который тяжело ложился на волосы и ткани.

Десмонд улыбнулся:

– Но ты же вернешься.

До этого момента Вике удавалось сохранять самообладание. Это она умела лучше всего. Уже двадцать лет она училась контролировать себя до мельчайшей жилки и расслабляться только тогда, когда это было безопасно, то есть в присутствии Десмонда, Лэйры или Йеро, но никогда, если рядом был кто-то другой. Особенно ее родители. Или даже отец Десмонда или отец Лэйры, которые властвовали над всеми, возвышаясь на величественных креслах в зале для аудиенций.

Здесь, в огромном зале, принадлежавшем князю эс-Ретнея, куда Вика пришла, чтобы коротко попрощаться и получить последние наставления перед путешествием, на нее тут же обратились взгляды всех этих людей. Она ощутила, как в глазах собираются слезы и в горле встает ком. Потребность

сглотнуть была неодолимой, но она подавила ее, ощутив, как перехватывает дыхание и к горлу подступает рвота.

Ей было запрещено лгать, но и сказать правду она не могла. Мысль о том, что она оставит Десмонда без ответа, разбивала ей сердце.

Улыбка исчезла с его лица. Он постепенно осознал, что она не надеется вернуться. Желая утешить, он положил руки ей на плечи. Ее испещренные шрамами губы напряглись, когда она попыталась сложить их в улыбку. Каждая черточка ее лица напоминала о том, что она уже никогда не будет прежней, никогда не будет той невинной Викой, которая ради дружбы и жажды приключений отправилась в Царство теней.

– Мы увидимся снова, – наконец сказала она. – Когда-нибудь. Я буду думать о тебе каждый день. Это неизменно, как дуновение ветра. Пожалуйста... – Ей пришлось подавить желание бросить недоверчивый взгляд на отца Десмонда, верховного министра. – Будь осторожен, Десмонд.

Десмонду и Кадизу тоже предстояло отправиться в путешествие на рассвете, чтобы посетить одну из больших кузниц на склоне Эсариэса – там дэмы нападали на жилища рабочих. Оба были рады любой совместной поездке, потому что только так они могли укрыться от взглядов своих семей.

Но Вика каждый раз беспокоилась, когда их вместе отправляли на какое-то задание. Отец Десмонда один раз уже попытался избавиться от сына, который неизбежно и скоро

превратится в его политического соперника. А отец Кадиза воспользовался этой ситуацией, чтобы отправить сына почти что на верную смерть. Самые могущественные властители Немии хотели убить этих двоих или, по крайней мере, разделить их.

– Обещаю, – тихо сказал Десмонд, – что я буду осторожен так же, как и ты.

Вика тихонько охнула, сама не понимая, смешок это или всхлип:

– Как это было раньше, когда мы были детьми?

– Ну ты и ненормальная, Вика, – начал Десмонд их старый ритуал.

– Да, верно. Но ты еще ненормальнее.

– А ты всегда чуть ненормальнее меня.

Мать Вики громко откашлялась. Ее вовсе не возмущало, что ее дочь водит такую тесную дружбу с возлюбленным другой женщины. Вика даже предполагала, что мать втайне наслаждалась разговорами сплетников, когда те строили свои безумные теории. Они считали, что Вика вскружила голову благородному юноше, который уже помолвлен. Но близкое общение с князем и верховным министром было взрывоопаснее, чем пересказанные шепотом слухи.

Вика редко игнорировала мать, но сегодня она не могла вести себя иначе.

– Лэйра будет одна, когда вернется. Одна... – теперь она перешла на шепот. – С ним. – С пленным Повелителем, ко-

торый ее предал. С Алариком.

Десмонд опустил голову:

– Хотел бы я, чтобы у меня был выбор.

– Да. – Однако они оба были пленниками. Семьи выкова-
ли их цепи из культуры и традиций, и иногда они были столь
же прочны, как и укрепленное магией железо, которым был
скован Аларик. – И мне бы тоже хотелось.

Теперь Вике все же пришлось сморгнуть слезы прощания.
Как назло, именно сегодня, в ее последний день в замке, ее
увидят плачущей. Невзирая на то, что она была смелым сдер-
жанным ребенком и сильной девушкой, Немия запомнит ее
слабой и плаксивой женщиной, потому что она позволила
это себе в единственный, но решающий момент.

Десмонд в последний раз серьезно посмотрел на нее. Под
его взглядом она не стыдилась ни слез, ни шрамов.

– Никогда не забывай, кто ты, – произнес он. – Не позво-
ляй, чтобы кто-то делал тебя тем, кем ты не являешься. Это
было бы... – Десмонд мимолетным движением провел тыль-
ной стороной ладони по щеке, смахнув слезу, словно это бы-
ла просто капля пота. Как и она, он понимал, что весь зал
видел – это не капля пота, но это его, казалось, не волнова-
ло. – Это стало бы непереносимой потерей для этого мира.

Отец Вики попросил ее поторопиться. Выезд больше
нельзя было откладывать.

– Я никогда не забуду, кто ты, Десмонд, – твердо произ-
несла Вика. Дес заслужил достойное прощание. Она была в

долгу перед ним. – И я тоже. Где бы я ни оказалась. Я услышу о твоих поступках. И я буду гордиться, Дес. Гордиться, что была твоей подружкой.

– Как и я, Вика. И так будет, пока дуют ветра.

– Пока стоят горы, что вздымаются в небо Немии.

Вика жалела, что не может задержаться на родине еще хоть на мгновение этой вечности.

Глава 15

ЛЭЙРА

Я складывала на могилу камень за камнем. Как странно: знать, что мама теперь лежит под валунами, погибнуть под которыми она боялась всю жизнь. Она хотела, чтобы ее похоронили по немийским традициям. Считалось, что тогда тело само обращается в камень и снова становится частью этой земли.

Я остановилась перед могилой. Момент, когда нужно было произнести последние слова, я упустила, и его было уже не вернуть, и все, что еще могу сказать, услышу лишь я сама. Какой в этом смысл?

Ветер, выжидавший в моем сердце, поднялся снова и высвободил что-то, погребенное под неподвижностью и молчанием. Я ощутила в груди обжигающий жар. Он пожирал меня и медленно, но неуклонно разрастался все сильнее, превращаясь в пожар. Это была не боль, как я подумала сначала, – по крайней мере, не только она. Это был гнев. Чувство бездонной и поднимающейся до небес ярости.

Аларик навлек все это на нас.

Мы хотели его спасти. Рисковали ради этого всем.

А он обрек Немию на смерть.

Я развернулась спиной к могиле. В темноте было видно не дальше, чем на шаг, но я выбиралась из расщелины почти бегом.

Что-то было не так, и мысль об этом уже мелькала у меня раньше: нигде не было видно маминого мешка с вещами, которые она взяла с собой. Кроме того, если она шла вместе с другими деревенскими жителями и не просто хромала следом – а без помощи она не забралась бы так далеко, – они бы не оставили ее лежать тут одну! Они бы, по крайней мере, проверили, жива ли она еще!

Горячая ярость ударила мне в голову, и я подумала о том, что, может быть, стоит последовать за ними, чтобы потребовать объяснений. Однако за эти несколько часов они могли уйти далеко вперед, а я смогу двинуться дальше только с восходом солнца, если не хочу сама разбиться насмерть.

Кроме того, у меня были и другие дела.

В последний раз я посмотрела на могильный холм – бесформенное серое возвышение в темноте. Там осталась часть меня. Часть, которая всегда пыталась стать такой, какой ее хотела видеть мать. Хорошей немийкой.

Потом я отвернулась и принялась искать в скалах место, где могла бы, несмотря на темноту, выбраться на тропу.

Через несколько часов я нашла коня Кадиза на небольшой поляне. Небо над Варой разгоралось желтым и оранжевым. Шерсть мерина отражала свет серого утра, а мышцы его груди, когда я провела по ним ладонями, придали мне новую силу.

Я затянула подпругу, села на коня и устремила к Воляриану, не заезжая в нашу деревню, прямо через поля и луга.

Передо мной расстилалась мирная природа, дыша росой и редующим туманом, словно она сама наслаждалась неестественной тишиной. Только виднеющиеся тут и там полусъеденные трупы коров или коз напоминали о том, что дэмы вернулись. Впрочем, никто из них не попадался на глаза, никто не осмеливался поспорить с моим мюродомом.

Где они все прячутся? Чего они ждут?

Конь понял, что мы направляемся домой, и снова поскакал вперед бодрым галопом.

Я не видела ни одной живой души, никого, кроме пары птиц и насекомых, пока не добралась до подножия Воляриана. Как только начался подъем, я стала замечать, что с каждым шагом мышцы задних ног мерина напрягаются все больше и больше. Он то и дело дергал ушами. Раньше он поворачивал их в мою сторону, когда я его окликала. Теперь окружающее полностью поглотило его. Он почти не обращал вни-

мания на меня, а я, пусть даже из-за недостатка нормальных тренировок была весьма посредственной наездницей, достаточно разбиралась в лошадях, чтобы понять, что это означает. Что-то заставляло его нервничать. Но что? Он был горным конем и не боялся черных скорпионов, змей и всех тех созданий, что шмыгали меж этих скал. Волариан был его домом.

Здесь дело было в чем-то другом.

Проезжая развилку, от которой отходила почти невидимая тропа, ведущая к черному рынку и разбитому мосту, я невольно сглотнула. Если бы я тогда не свернула, если бы я решила иначе...

Однако в сожалениях уже не было никакого смысла, и только горы знали, что случилось бы, если бы я тогда выбрала другой путь. Сегодня дорога вела меня наверх по главному тракту Волариана, по пути, где в это время обычно проходили пешеходы, проезжали повозки и всадники. Сегодня он был совершенно пуст.

Мы пересекли мост, ведущий через серебристо-прозрачный ручей, который даже летом приносил с собой запах зимы – его было ни с чем не спутать. Я глубоко вдохнула, ощутив приятное холодное покалывание.

В этот момент конь фыркнул. Он чуть не поскользнулся на досках, оглушительно грохоча копытами, спрыгнул с моста и помчался по улице. Я упустила стремяна, едва не выпала из седла, и мне пришлось вцепиться в гриву. Как толь-

ко мне удалось восстановить равновесие, я смогла нащупать поводья и придержать коня. Он с явным недовольством подчинился, и, осмотревшись по сторонам, я поняла почему: дэмы.

Их можно было назвать маленькими, и с первого взгляда они не пугали. Возможно, потому, что они немного напоминали мне Каэлайх: худые тела, иссохшие прямые конечности с выступающими суставами, туго обтянутыми кожей. Никто из них не стоял на двух ногах, они бегали на четвереньках, как животные, опираясь на сжатые кулаки. Они выглядели изголодавшимися, их огромные беспокойные глаза залегли в глубоких впадинах, щеки ввалились. У некоторых еще виднелись пряди свалывшихся волос, но у большинства превращение уже зашло настолько далеко, что головы облысели или обросли мехом, а уши стали большими и подвижными. Рот и нос у некоторых превратились в звериные морды.

Если Повелитель Риан и фемаршал отбирали сильных дэмов, чтобы те сражались на их стороне, то эти создания, похоже, были теми, для кого не нашлось применения. Последними остатками.

Мое сострадание, впрочем, имело свои границы, потому что я все сильнее и сильнее понимала: хотя эти создания и выглядят слабыми, они следуют за мной в большом количестве. Я не была глупа. Еще когда конь испугался и понес, некоторые из них подметили, что узкие улочки, изгибаясь, ведут вверх по склону. Они забрались на скальные уступы и

теперь поджидали меня, заслоняя путь и снова пугая коня, заставляя его в страхе вставать на дыбы.

– Спокойно, – шептала я ему снова и снова, чтобы он не сбросил меня. – Спокойнее, еще спокойнее, мой мальчик, хороший мальчик. – По крайней мере, он перестал вставать на дыбы. Но торопливая езда, что вчера, что сегодня, явно не поспособствовала созданию доверия между нами. И теперь это сказывалось. Он нервно пританцовывал, двигаясь туда-сюда, отклонился влево, так что моя нога больно задела острый выступ скалы, отпрыгнул вправо, так что его копыта оказались у самого края, за которым на многие метры вниз уходила пропасть.

– Спокойно! – Мое волнение передавалось ему, все его тело дрожало. Он был напряжен, как пружина, было ясно, что он вот-вот снова выйдет из-под контроля – это только вопрос времени. Он в панике смотрел на дэмов.

Меня эти чудовища тоже пугали. Возможно, они выглядели истощенными, но их плачевное состояние не делало менее заметными узловатые мышцы под кожей. Еще больше меня тревожило выражение в их блеклых глазах. Голод. Эти существа будут бороться с той смелостью, которую придает отчаяние.

Но что мне оставалось? Что я могу потерять теперь, когда у меня уже отняли все? Из самой глубины моей души на поверхность всплыло что-то, чему я не осмеливалась подобрать имя, таким чуждым оно для меня было. Болезнен-

но страстное желание схватиться с этими дэмами и гнать их прочь, туда, откуда они явились. Или при попытке...

Один из дэмов внезапно бросился вперед, а мой конь дернулся и лягнул вбок. Он пританцовывал на месте, словно понимая, что эти создания окружили нас и отрезали пути к отступлению. Сидя в седле, я ощущала каждый тяжелый вздох мерина и, готовая драться, вытащила мюродем. Дэмы снова подошли ближе, конь отступал назад, а я изо всех сил этому сопротивлялась, потому что за спиной у нас был обрыв. До нижней улицы было всего несколько метров, но, упав вместе с лошадыю, я определенно переломала бы все кости. Мерин игнорировал мои удары пятками и высоко задирает голову, натягивая поводья. Возможно, он и был хорошо обученной гвардейской лошадыю, но раньше он никогда не видел дэмов. Они повергали его в панику.

Его следующий шаг встретил пустоту. Конь поскользнулся и на какое-то полное ужаса мгновение мне показалось, будто прямо сейчас мы полетим в пропасть. С криком я погнала его вперед, и он снова подчинился, но мое худшее опасение исполнилось: дэмы заметили, что испуг коня делает нас уязвимыми. Это придало им смелости. Они придвинулись ближе к нам, шипя и визжа, и снова мне пришлось приложить все возможные усилия, чтобы не дать мерину еще раз оступиться.

Это не помогало. Мне нужно было как-то выбраться из седла, осторожно, чтобы испуганный конь не затоптал меня.

Я аккуратно вынула ноги из стремян. Что-то внутри резко протестовало: если я спрыгну с коня, то больше не смогу его защитить. Но у меня нет шансов одолеть даже одного дэма, если я буду верхом на лошади, которую не контролирую.

– Нужно защищаться, – пробормотала я, будто он мог понять мои слова. – Слышишь меня? Тебе нельзя убегать. Тебе остается только бороться.

Я вцепилась в его гриву, перекинула ногу через круп и спрыгнула на землю. Как я и ожидала, резкое движение повергло его в полную панику. Дэмы почуяли это и в следующее мгновение оказались так близко, что я ощутила их запах: пыль, сухое дерево и болезненная кислая вонь истощенных тел. Мерин отпрыгнул в ту же сторону, что и я, наткнулся на меня так, что я упала навзничь.

Один из дэмов решил воспользоваться возможностью и бросился на меня. Я инстинктивно перекатилась в другую сторону и пробралась под массивным туловищем коня, так, чтобы оказаться по другую сторону от него. Копыта переступающего на месте мерина тяжело ударяли по мостовой вокруг меня. В лицо полетели мелкие камушки, он не наступил на меня только чудом. Вскочив на ноги, я подняла оружие. С одной стороны меня защищала пропасть, а с другой – конь. Дэм с почти черной, словно обугленной, кожей бросился на меня спереди, и мой мюродем встретил его, как северный ветер – рассек плавным ударом сверху вниз, раскроив ему череп.

Вторая атака — сзади. Я вытащила клинок из головы предыдущего дэма, развернулась и пронзила мюродемом тело твари. Кровь забрызгала землю. Она попала и на мои руки, обжигая их, словно кислота. Зато дэм, захрипев, рухнул вниз.

Однако времени почувствовать облегчение не было. Как будто первый удар был своего рода сигналом, теперь все они внезапно перешли в атаку. Серый громко фыркнул, когда первые дэмы добрались до него. Два вскочили ему на спину, вцепились в шею, еще один крепко ухватил его за горло. Кровь и пот стекали по его светлому меху. Я вскрикнула, пытаюсь помочь ему, но он в панике больше не мог устоять на месте и оттеснял меня к обрыву. В отчаянии я пыталась удержать равновесие, когда какой-то дэм прошмыгнул под ногами коня и попытался схватить меня. Он был не больше других, но более ловким, определенно крепче сложенным, а в его раззявленной пасти виднелось несколько рядов острых зубов. У меня больше не оставалось времени на взмах клинка, так что я просто ткнула им вперед, как кинжалом. Тело дэма оказалось неожиданно твердым — будто я проткнула костяной панцирь, скрывавшийся прямо у него под кожей, и мюродем застрял в нем. Я безуспешно тянула и дергала его. Конь в страхе ударил дэма копытом, а затем лягнул его так, что тот пролетел мимо меня. Создание рухнуло с обрыва вниз, но из-за края показались новые яростно вопящие дэмы, и я не успела высвободить мюродем из его тела. Мне

нужно было решаться мгновенно.

Меня разорвут на части.

Или я оставлю свой клинок.

Долю секунды я смотрела вниз, туда, куда плашмя приземлился дэм, которого я пронзила. Вокруг него уже столпилось множество других, и в мгновение ока мюродем оказался для меня таким же недостижимым, как самая высокая горная вершина.

Серый тем временем рванулся вперед, а я могла лишь беспомощно бежать следом и наблюдать, как на него набрасывается десяток дэмов. Почти половина последовала за ним. Другие ловко забирались на скалы, как порождения гор, чтобы отрезать ему путь. Он пропадет, если я сейчас же не вмешаюсь.

Резко вдохнув, я попыталась найти магию, которая могла бы мне помочь. На задворках сознания промелькнуло опасение, что кто-то может спешить ко мне на подмогу и заметит колдовство. В конце концов, это были очень оживленные улицы эс-Ретнея, и пусть сейчас они кишели дэмами, я вряд ли много бы выиграла, если бы спасла свою жизнь с помощью магии, а в следующее мгновение обнаружила, что кто-то это заметил. На концентрацию совершенно не было времени. Следующие дэмы уже протискивались мимо меня, и последней надеждой был кинжал Вики, спрятанный в сапоге. Им я пронзила грудь первой твари, а второй рассекла горло.

Обороняясь от дэмов, я ощутила странную внутреннюю

борьбу. Я хотела загнать их туда, где им место, отогнать от себя, потребовать подчинения. И одновременно я помнила, что я здесь, на склоне Волариана, рядом с замком моих предков, и слишком хорошо ощущала, кто я – кто я *на самом деле*. Я не была бесстрашной воительницей, как бы мне этого ни хотелось. Я была просто Лэйрой, которая носила в себе страх, куда бы ни пошла. И этот страх становился все тяжелее, делая руки неуклюжими, а кинжал медленным. При этом я почти не боялась, что они одолеют и убьют меня. Я уже понятия не имела, чего боюсь – и это пробуждало во мне еще большую панику, когда я одного за другим убивала истощенных, голодных и отчаявшихся дэмов.

Их не становилось меньше. Они пришли на зов Аларика в ошеломляющем количестве. А я была на этой улице одна, потому что все разумные люди давно спрятались в безопасных укрытиях. Животный крик, разнесшийся над дорогой, заставил меня в ужасе застыть. Он доносился с улицы надомной. У лошадей нет естественного возгласа боли. Они не стонут, испытывая страдания. Но в страхе смерти они иногда издают такой звук, будто кричит сам ветер.

На меня упала тень. Я тесно прижалась к скале, и в следующий момент на дороге рухнуло массивное тело – прямо туда, где я только что стояла. Мой бедный конь в последний раз вытянул шею, лежа на земле, а затем с глухим стоном испустил последний вздох и неподвижно застыл. Его шерсть пропиталась кровью, а глаза были вырваны. Только копыта

еще подрагивали, будто тело не осознало, что оно должно остановиться, ведь душа уже несется галопом в Лиаскай.

Я будто целую вечность смотрела на мертвого коня, и в моей голове проносились сотни мыслей. Что я вообще здесь делала, зачем мне нужно было скакать в замок, зачем я взяла с собой этого мерина? Я же заметила, что он беспокоится. Его гибель причиняла мне ужасную боль.

На самом же деле все эти размышления продлились не дольше пары ударов сердца, потому что уже в следующее мгновение я поняла: почти обезумевшие от голода дэмы сейчас всем скопом бросятся на мертвого коня, а я стою как раз рядом с ним.

Их хрипы и визги уже заполнили воздух, их когти скребли по скалам. Они обрушивались вниз, как волна, как единый организм, и я в ужасе отступила на несколько шагов. Снизу тоже лезли дэмы. Один из них заметил меня, сердито зашипел, словно я могла отобрать у него добычу, и прыгнул, атакуя. Я увернулась, но когти все же задели мое плечо и разорвали рукав платья.

Я оттолкнула дэма от себя, ударила его кинжалом, но недостаточно сильно, чтобы отогнать. В ярости тварь снова бросилась на меня, и я промедлила секунду, не успев уклониться. Дэм вцепился когтями в мое бедро и впился зубами в плоть над коленом. Закричав от боли, я едва не потеряла равновесие, потому что в тот же момент на меня прыгнул еще один дэм, жилистый и обросший шерстью, размером с

охотничью собаку. Он повис на моем плече, как репей, и вцепился в руку. Казалось, будто первый прогрызает мне ногу насквозь.

Я метнулась в сторону, так что второго дэма ударило грудью об острые камни, и зажала его между собой и скалой, пока он, захрипев от боли, наконец не выпустил меня. Едва в силах пошевелить рукой, я ударила кинжалом первого дэма, и он свалился с меня.

Издавая стоны от боли и напряжения, я сбежала вниз по улице, стараясь оказаться как можно дальше от монстров, которые занялись телом бедного коня. Меня преследовали ужасные звуки чавканья, рвущейся кожи и ломающихся костей.

Мне стало дурно. Я тяжело прислонилась к каменной стене Волариана, умоляя гору дать мне хоть немного сил. Раны на плече и руках болели, но куда большей проблемой было повреждение на правом бедре. Оно почти не болело, а это всегда плохой знак. При этом по ноге продолжала стекать кровь, оставляя за мной темную дорожку. След.

В таком состоянии двигаться дальше невозможно, я далеко не уйду. Уже сейчас меня трясло и холод пробирал до костей. Резким движением я оторвала от своей потрепанной юбки полоску материала и крепко перетянула ногу выше раны.

Все дэмы еще толпились вокруг лошадиной туши, кусались и боролись за лучшие куски. Рано или поздно они за-

метят, что я тоже неподалеку. Мне нужно убираться отсюда, и как можно быстрее! Я оторвала от платья еще один кусок ткани и кое-как перевязала раны, чтобы кровь больше не капала на землю и твари не пошли следом за мной.

Хотя было светло, по краям поле зрения словно затянули темные тучи. Я энергично потрясла головой, чтобы избавиться от этого ощущения. Если я потеряю сознание, меня ждет та же судьба, что и коня. Нужно убираться отсюда!

Однако возвращаться в долину было далеко, и это никак не защитило бы меня. Чтобы добраться до низины, мне пришлось бы идти достаточно долго, прежде чем я наткнулся на какую-нибудь деревню или хутор. Так далеко без нормальной перевязки мне не добраться. Наверное, это вообще невозможно.

Замок теперь оставался моей единственной надеждой, но и по улицам, ведущим вверх по склонам Волариана, я тоже не могла идти. Для этого мне пришлось бы пройти мимо стаи дэмов, и как бы сильно они сейчас ни были сосредоточены на лошади, это было чересчур рискованно.

Онемевшими пальцами я убрала кинжал за пояс и коснулась скальной стены, выискивая в камне трещины и выступы, за которые можно было бы зацепиться.

– Старый друг, – дрожащим голосом прошептала я. – Никогда я не признавалась тебе в этом, но всю жизнь надеялась, что ты – моя гора-защитник. И сегодня мне нужна твоя защита, Волариан. Пожалуйста, если ты можешь...

Кончиками пальцев я зацепилась за край, чтобы подняться выше. Ноги казались тяжелыми, как чурбаны для колки дров. И все же я смогла нащупать место, на которое можно было встать. Снова я ощупала скалу над собой. Соскользнула. Пошатнулась и едва не упала на землю.

Несколько дэмов отвлеклись от горячего пиршества и посмотрели на меня, широко раскрыв глаза. Их безгубые пасти были испачканы кровью.

Я снова попыталась взобраться наверх. Замок был недалеко. Если карабкаться по скале, а не идти по серпантину, до него не больше сотни метров. Я нашла еще одно место, за которое можно было ухватиться. Подтянулась еще немного выше. Еще немного. И еще чуть-чуть.

Ноги были ватными, и я могла только надеяться, что пальцы не соскользнут. Я их почти не чувствовала. По спине сбегал ледяной пот. К счастью, Волариан будто хотел мне помочь. Я отыскивала трещины в скалах, находила окаменевшие корни, за которые можно было крепко уцепиться, и подтягивалась выше. Покой старой горы медленно снисходил на меня, а все остальное словно пропадало. Боль. Усталость. Последние силы. Я сосредоточилась лишь на том, чтобы преодолеть очередной крошечный участок тяжелого подъема, и больше уже не думала о том, куда стараюсь забраться и ради чего продолжаю сражаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.